

– И что у них за огороды были, – скорбит мой спутник, – как они приспособились к спросу! Двенадцать лет тому назад я приехал в Благовещенск – у них только свои, китайские овощи были, а под конец чего только они не разводили: и салат, и кочанную капусту, и цветную!..

– Насидятся теперь благовещенцы без овощей, – говорю я.

– Ну нет, сейчас-то овощей, действительно, мало, но будут – крестьяне разведут. Прежде конкуренция маньчжур была не под силу, они и не занимались огородами, а теперь уже начали выписывать семена и разделять землю под огороды.

Как и под Будундою, мерзость запустения отразилась и на самой дороге: гати и мосты тоже разобраны на дрова переселенцами-могилёвцами, которые провели здесь лето и сняли последний маньчжурский хлеб...

Тяжёлое, гнетущее впечатление производит эта пустыня, ещё так недавно кипящая жизнью и трудом...

– Теперь ничего, привыкли, – говорит, оборачиваясь к нам, ямщик. – А то с весны жутко было ездить – пусто, никого нет... А прежде бывало все маньчжуры здороваются, разговаривают. «Амбá, говорят, куда пошёл, какой деревня, какой дело»...

*Печатается по Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901-1903.*

*СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 70-84.*

*Орфография и пунктуация современные.*

*Н.Г.Архипова*

## **РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ АМУРСКИХ МОЛОКАН**

Во время диалектологической экспедиции 2005 г. в молоканские села Тамбовского и Константиновского районов: Жариково, Раздольное, Тамбовку, Толстовку, Гильчин, Косицино, Верхний Уртуй, Нижний Уртуй, – были сделаны аудиозаписи диалектной речи потомков первых молокан, переселившихся в Амурскую область в середине XIX в., общим объемом более ста часов звучания.

Собранный материал позволяет выявить общие черты говора молокан-амурцев на фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексико-фразеологическом уровнях, показать наиболее существенные особенности текстов-воспоминаний в структурном и стилистическом аспектах, а также яркие черты языковой личности информанта. При лингвистическом комментировании мы опирались на методику, представленную в книге «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южное наречие» [1, с. 6-15].

Представленные в альманахе тексты – это расшифрованные аудиозаписи спонтанной речи четырех жительниц сел Тамбовского р-на (Гильчин, Жариково, Толстовка): Саяпиной Веры Васильевны, Саяпиной Лукерьи Степановны, Филимоновой Анны (Ганны) Михайловны, Садовенко Майи Петровны.

Наши собеседницы – уроженки Амурской области. Их предки-молокане переселились в Приамурье из Тамбовской губернии и Таврии. Всю жизнь информанты прожили на одном месте, за пределы области не выезжали. Трое из них окончили четыре класса (Саяпина В.В., Саяпина Л.С., Филимонова А.М.), Садовенко М.П. имеет семилетнее образование. Все они были замужем, имеют детей, внуков.

К информантам старшего поколения относится Филимонова Ганна Михайловна. Она родилась в 1917 г. в с. Жариково Тамбовского р-на Амурской области. В ее речи в большей степени, чем у других информантов, проявляются диалектные особенности, позволяющие отнести ее говор к южнорусскому типу.

Большое место в рассказах Ганны Михайловны занимает повествование о молоканской вере, о том, как жили в одном селе представители разных религиозных течений: молокане, баптисты, православные.

Быт молокан – одна из излюбленных тем ее рассказов: какую одежду носили, что ели, что делали из молока, какую выпечку предпочитали.

В ее воспоминаниях представлены рассказы о молоканской свадьбе, молоканских праздниках, главным образом, о Пасхе. Известно, что именно Пасха была особенно любима и почитаема у молокан.

Интересны ее воспоминания о трудных взаимоотношениях русских и китайцев, которые жили по соседству. Ганна Михайловна рассказывает о том, каков был китайский быт, о наемных работниках-китайцах: их трудолюбии, порядочности, щедрости, о браках, заключавшихся между китайскими мужчинами и русскими женщинами, о совместных детях.

Саяпина Вера Васильевна, 1921 г.р., и Саяпина Лукерья Степановна, 1924 г.р., – уроженки с. Гильчин Тамбовского р-на. Они были замужем за родными братьями – Саяпиными Петром и Василием. Обе информантки демонстрируют южнорусский тип говора.

Лукерья Степановна помнит многое о том, откуда пришли ее предки на Дальний Восток, как заселялась Амурская земля, как трудно становилось хозяйство, о том, как после стабильной, сытой жизни пришла пора раскулачивания. Трудная работа в колхозе, жизнь во время и после войны – главные темы ее воспоминаний. Лукерья Степановна рассказывает о том, как ездили в Китай в то время, когда были открыты границы, о натуральном обмене между русскими и китайцами, об отношениях между двумя народами. В ее воспоминаниях не остаются без внимания темы религиозных традиций и быта молокан: моления, питание, свадьба и др.

Интересны бытовые описания Саяпиной Веры Васильевны. Русская печка, домашняя утварь и инструменты отца – обо всем она рассказывает с большой теплотой и любовью. Именно в ее рассказах молокане предстают очень хозяйственными, работающими и порядочными людьми. Вера Васильевна хранит воспоминания не только о быте, но, главным образом, о вере молокан. Ее рассказы переходят в религиозные песнопения.

Садовенко Майя Петровна – самая молодая из наших информанток. Она родилась в 1937 г. в с. Толстовка Тамбовского р-на.

Личность Майи Петровны уникальна: уже в течение 10 лет она изучает историю молоканского движения в Амурской области, будучи сама потомком молокан. В ее речи проявляются элементы высокого стиля в диалекте: *Дома стояли прекрасные; Село погрузилось во мрак; Как чудно поют; ангельское пение* и др. Майя Петровна демонстрирует новый, не архаичный, тип сельской культуры: она достаточно начитанна, в своих повествованиях делает ссылки на произведения русских писателей.

Садовенко М.П. является носителем смешанного типа говора, близкого к разговорной форме литературного языка, что объясняется сравнительно молодым, по сравнению с другими информантами, возрастом, полученным образованием и активной включенностью в общественную жизнь села.

Майя Петровна рассказывает о жизни молоканского села, молоканском быте (пище, одежде) и вере (молениях, похоронном обряде, молоканских праздниках), народном врачевании.

В комментариях к текстам мы попытались создать обобщенный речевой портрет наших информантов, так как их предки переселились в Амурскую область из одного и того же региона России (Тамбовская губерния), все информанты – уроженцы близлежащих молоканских сел и в целом демонстрируют один тип говора.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южное наречие / под ред. Р.Ф.Касаткиной. М.: Наука, 1999.

## ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

*Садовенко Майя Петровна, 1937 г.р.*

*С. Толстовка Тамбовского р-на Амурской обл.*

*Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2005 г.*

*Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.*

### 1. Молоканское село

#### «Село было очень богатое, крепкое»

Здесь настолько было красивое село, в моей памяти всё. Я была ребёнком, коуда еще стояли эти бревенчатые дома, красивые, красивые, все под шатровыми кровлями, оцинкованные, и у всех кружева беленькие были, ставни были, всё было, говорили «заплот», назывался по-молокански.

В основном молокане были. А знаете, как получилось? Приехали ведь, это, из западных областей: Воронежской, Тамбовской. Они были кто? Православные, приехали православные, да. Приехали вот они, поселились, перезимовали, потом двинулись в Благовещенск. А здесь молокан было очень мноуо. Их поддержали молокане, понимаете, они дали им бесплатно лес сухой, в общем-то, ну, помоули хозяйством, лошадьми, просто безвозмездно. И они решили, ну, принять веру в благодарность, в общем, что ли, вот таким образом стало село молоканским. И было оно, вот, в общем, чисто молоканским. Ну, китайцы здесь были. Ну, они так, приезжали только, значить, до тридцатых уодов. Ну, кто молокане? Я в молоканской семье жила. Это очень чистоплотные люди, прежде всеуо. Посуда у них блесит, да все было чистенько. Ну что, не ели они совершенно свинину, не признавалось. Вот бабушка уоворила: «Так она не видит неба, она вниз смотрит, вот свинья не видит». Она объясняла. Ну, бабушка была безурамотной. Ну, это её объяснение такое было. В общем, свинину они не ели, ели только уовядину, уусей они мноуо очень ели. Перины у них вечно, подушки, уусей, ну и уовядина, вот. Теперь что. Ну, одевались, как обычно одевались, вот в моей памяти, как обычные люди. Приехали они, может быть, и в лапоточках сразу же, но дедушка уоворил: «Лаптей здесь не было. Они уде-то по дороуе их побросали, пока ехали».

И жили, в общем-то, село было очень боуатое. Ну, то есть как, крепкое просто. Раскулачивали. Вот сейчас надо раскулачить: у нас шесть коров.

– *Почему их вера так называется молокане?*

Ну, не знаю. Чай с молоком пили, наверное, чай строуо, вот чай – это самое улавное. А ну вот бабушки собирались, допустим, приходят нарядные все, вот Анна Макси..., ой уосподи, Анна Александровна – это мать вот этой Ольуи Максимовны, настолько была, ну, ануел, волосы у неё, уже она была седая, пышные, волосы в узел, уустые. Вот и, значить, зять приехал из Германии. Она была стройная такая, и привез ей платье, знаете, чёрное-чёрное, карманы, значить, и на карманах жуутиками что-то, ну, по тем временам это было необыкновенно. И вот Анна Александровна приходила в этом платишке, садилась, и женщины, естественно, начинали что-то балауорить. Она уоворила: «Девчата, ну, зачем же сплетничать? Прекратите!» Просто вот уоворит, раньше чё, никоуо не осуждать, вот она просила.

Подавалось что? Вот самовар ставили, киселик, яички всмятку, варенье там, сахар, конфеты, мед, вот так. Ну, то есть леукий какой-то такой, чаепитие леукое. Водку в селе не пили. У нас даже.... ни в коем случае.

Ой! Здесь дома везде стояли прекрасные, я еще была ребенком. Приходила бабушка Дуня, была, значить, на две половины, там что-то уобелены такие красивые были, цветы обычно здесь были, фикусы и армы. Громадные цветы у всех, да каждый листочек протирали. Шторы были, а я уже знаю, что это. Ну, это война была, послевоенные уоды. Ну, у коуо штор? У молокан были чисто намытые стекла, блестели, прямо, как жар, уорели, а все прозрачно было. Ну, опять вспоминаю, дедушка рассказывал, что там кому-то спрятаться надо было, золото посчитать. И муж и жена залезли в подполье и считают, и там, видимо, свечка была, и кто-то в отдушину заулянул, и увидели, потому что, ну, видимо, штор действительно

не было. Ну, можно же закрыть окно, да и считай в доме. Ну, и смеялись, там не то, что там урабить кого-то. Ну вот, видимо, золото считали, в подполье сидели. Как они там? Или это деньги были? Ну, до революции, надо полагать, было. А потом раскулачили всех. Ну, Оськины уехали раньше, они торговали, из Америки привозили вот кровельное железо это. Что еще они привозили? Ну, всякие сноповязалки, молотилки. У нас даже есть этот рубель, и скалка, и еще полотьник ручной, американский, с клеймом американским. И настолько изумрудно-зеленое это клеймо, столько лет прошло, оно такое же красивое.

Значит, что до тридцать третьего года здесь был Филинов – самый богатый человек, и еще братья Оськины. Оськины, четыре брата, у них дома были подряд, красивые дома, и значить, что они торговали, привозили из Америки вот это кровельное железо. Всё село было покрыто, эти, ну, знаете, волнистые, волнистые... Железо, ну вон, вон у нас стоят, вон под баней, видите, вон там кресты, вот это было накрыто, были дома все накрыты. Они до сих пор ещё сохранились, просто чуть-чуть волнистые листы.

Вот привозили они всякие молотилки, сортировки, сноповязалки, уже в то время всё было в селе. Полотьники вот ручные, и торговали. Вот они в основном торговлей жили. А у Филинова дом стоял, значить, у него, здесь была в деревне мельница до революции, была электростанция до революции. Значит, электростанция давала свет для всего села, и вы знаете, что надо было всё заплатить, каждый, за каждую лампочку надо было привести воз соломы. Воз. Воз, дак совсем ничево. Ну! Соломы полно! Привез, выгрузил, и вот свети, сколько хочешь, вот. Ну, потом, значить, Филинов, молодец. Он продал, и все, и уехал до того, как начали шерстить людей. Следы его потерялись, даже не знаю. Ну, он продал обществу, значить, ну, как обществу, это, видимо, ну, богатые люди, тоже такие. Продав мельницу, продал всё это, свой инвентарь. Значит, что... Мельница, маслобойный завод был здесь, электростанция. Это все было Филинова, ну, на зерновом дворе. Вот сейчас, где расположен зерновой двор, там всё было. Село освещалось, причём была. Вы знаете, что такое медная электропроводка? Не знаете? Вот медная проводка была по всему селу, как уж они там приобретали, кто его знает, вот. А потом наступило вот советская власть. Вот наступили тридцатые годы, и село стало рушиться. В общем, якобы на войне оно нужно, сняли вот эту всю проводку, и село погрузилось во мрак, до пятидесятых лет не было света. Это вот я, моё детство, моё, значить, без света. С керосиновой лампой я очень хорошо управлялась: стекла чистила, знала, как заправить, как сделать, чтобы было очень светло. Бабушка всему научила. Вот и значить, село стали раскулачивать. С двадцать девятого пошло, людей высылали, село опустело, дома хлопали дверьми, ставнями. Дома стали растаскивать. Часть увезли в Лазо, здесь новый совхоз организован, часть в Садовое, часть увезли в Исаевку. Там, значить, военные стояли. В Тамбовку, в общем, всё, всё, всё ломали и увозили. Но всё равно я очень много застала, помню все дома. Вот на этом месте уже не было домов, ну, здесь, значить, школа вот напротив была куда-то, и здесь были богатых людей дома. Так. Раскулачили. Село опустело, надо заселять. А в Тамбовке стоял полк военный, служили, там гарнизон военный был, и стали этих людей, вот они как раз из Воронежской области, стали их ну как-то обрабатывать и говорить, что давайте вот, край незаселенный, совершенно некому жить, село опустело, и уже колхозы были, «Восточноударник» был здесь колхоз, китайцы, значить, работали. Так был китаец Мо Зай Чан. Сначала говорили, что его расстреляли, а потом, в общем, он уехал, сослали его в Октябрьский, Овсянка, в Зейский район. В Зейский район, значить, и там он женился и дожил свою жизнь спокойно, в общем, не расстреляли, по крайней мере. Он брал китайцев, ехал за границу, привозил китайцев, и они сезон работали, лук выращивали, капусту, в общем, ну, пустовали же земли все. Ну, выращивали где, на бывших огородах. Допустим, нас выселили, вот огород прекрасный, вот на огородах и выращивали это все. Ну, потом, что-то с китайцами тоже. Его арестовали, посадили. Китайцы больше не приезжали, в общем. Потом из русских колхоз «Восточноударник» – это вот молоканский назывался, ну, из бедноты этой кто. А беднота, знаете, и дедушка мой мне тихонько говорил, что беднота – это лентяи были. Хороших людей-то ууробили, вы же сами знаете, если вы читали. А если не читали, девочки, обязательно почитайте книгу Антонова, Антонов «Овраги».

Вот Шолохова «Целину», а там подлинно написано, как уничтожали истинного хозяина. Пришел, прокрался в свой дом, а там живет председатель теперь, а у председателя, значить, постоянно была у всех председателей одна и та же жена, очень красивая женщина, она оставалась в этом доме, председателя там куда-нибудь уберут, нового присылают, она с новым живет, вот такая вот была бабенка красивая. И он пришел и говорит: «Ты никому не говори, я пришел посмотреть, – ты представляешь, – зачем ты ломаешь вот сарай уже там все, ведь, – говорит, – здесь дом мой, и все лавки, и все, что было построено без единого гвоздя, все на шпльнтах». Так делается шпльнт. Вы знаете, что такое? Это деревяшечка вместо гвоздя, сверлят дырочку и туда вставляют деревяшку без гвоздей...

## **2. Молоканская еда** **«Молокане очень любили лапшу с гусятиной»**

Свадьба. Свадьба, значить. Ну, сватали, доуоваривались там, потом намечали день свадьбы. Обычно, это, допустим это с весны доуоваривались, а осенью, коуда уборка проходить, значить, как же... В общем, день свадьбы, уготовят столы очень обильные, значить. Ну что, молокане очень любили лапшу с гусятиной, это и свадьба, и похороны, без лапши не обходилось, все праздники, сами делали её, катали лапшу, вот, и, ну, много было чего, мяса. Гусятина, допустим, там, варенье. Ну что? Лапша. Что же еще у них там было? Вот, значить, большие самовары ставили, со сладями всякими, сладостями, печенюшки, это, пекли, домашние, там фрукты какие, если могли добыть. Ну что, раньше, фрукты только из Китая вот, тоуда же можно было из Китая. Так.

– *А стряпать с чем любили?*

С черемухой, да. Черемуху сушили, потом мололи на мясорубке раза на два, потом кипятком запаривали её, добавляли там, ну, сахарок. Я тоже люблю. Тарочки назывались у них, так. В общем, тарочка – это что, сдобное тесто, допустим, ну, чем там, стаканом или чашечкой чайной крух делает, затем сварачивает её вот так вдвое и здесь делает надрез и потом снова разворачивает, кладет начинку и крест накрест перекрестывает. И получается открытое, ну как бы пирок открытый, небольшая тарочка – это очень вкусно. Потом пекли калачи, еще мне очень нравилось. Вот хлеб, допустим, пекут хлебы, называлось хлебы печь. И это же тесто, вы понимаете, и от этого же теста, говорили «отымать», то есть отделить, отымать кусок теста, и большой, большой, вот такие толстые, и на месте помещалось два, три калача, и в печку. И потом, значить, этот, особенно зимой на морозе, с мороза приносишь, и буквально за считанные минуты она растаивает, режешь на кусочки, и совершенно другой вкус, не хлебный, очень вкусные калачи, ну, калачики они пекли, это мелкие калачики. Мелкие – это без кислоуо, а можно и из кислоуо, а можно, значить, нет. Ну, что там добавляют? Ну, тоуда маслица добавляли и сметанку, сахар, яичко, и на листах пекли. Зимой много вот, пельмени делали, зауотавливали на зиму, вот здесь две дырочки, да здесь начинка, и так ..... Ага, и потом снова перекрестывать, ага.

## **3. Как хоронили молокане** **«Недолго осталось идти по узким, тернистым тропам»**

Значить, так. Ну, само поминание, это ладно. Хоронили, значить, на третьи сутки. Умирает человек, там моют. Гроб тоуда не отбивали ничем, просто такие доски всеуда были. И доски... Просто доски сухие всеуда лежали на этот случай. И значить, что, ну что, белый материал внутри, никаких цветочков, никаких веночков, ничеуо не было. Почему-то они очень скромно и очень не любили кладбище. Значить, никаких памятников. Ну, значить так, в день похорон, а ну, пели вот. Пение я слышала сама, как чудно поют. Знаете, ну, бабушка пела. Она очень плохо пела. Вот эти бабушки приходили, они обязательно пели. Вот. Значить, что, поют. Отпевают, допустим, первый день отпевают, второй день. Вот сеудня, допустим, день похорон, вырубают две длинных жерди из березы и несут покойника на руках. Не на лошади, не на машинах, естественно. Значить, так, две жерди связывают в том месте, веревка, где бу-

дет, поставить чтобы. Ставят уроб на плечи, эти жерди и понесли. Несут, опускают в моуилу, закапывают. А эти жерди опускают тоже, вот так наискосок, чтобы все время торчали. Уже я знаю, жерди торчат, пока не сунют. Ну, хоронят и кладут в моуилу. Камни лежали на каждой моуиле, и ничеуо больше не было. И старались не ходить больше туда. В родительский день придешь, можно было посыпать зерно, там пшено или пшеничку, больше ничеуо. Ну, почему не сохранились, вот моуилы, вот. Значить, придумали копать карьер, молоканское кладбище, рядом с кладбищем. И оно ушло вниз, это было самое высокое место. Ниточки какие-то, каждый какую-то свою ниточку клал, я уже камней и не видела. Даже вот дедушка, коуда моих родителей хоронили, он уворил, что здесь вот камни лежали. И примерно указал место, а сейчас там похоронены дедушка с бабушкой. Нет-нет-нет. Ничеуо. Они не ходили, вот раз в год как-то ходили. Нет. Вот когда кого-то хоронят, ну, подойдешь к могиле, очередную, коуо-то хоронят. Похоронили и все, считали, что всё, улетела душа. Поминки не справляли. Девять дней, сорок дней, нет-нет-нет. Это я пыталась, коуда-то была подросточком, и спрашивала у этих православных: «Почему девять дней? Вот объясните». Ну, в общем, они объяснить не моули. Люди безурамотные, они по традиции вот отмечали так, там и всё. А сейчас у нас село настолько разношёрстное, настолько запущенное село. Ведь это красота была такая.

А здесь прихожу и тихонечко вхожу (в молебную). Вы знаете, настолько поют красиво, какое-то ануельское пение просто. Я вошла, это оказывается, отпевают покойника. Ну, а песни какие. Допустим, выносят, у них одна песня. Её дома поют, по пути поют другие. И вот я помню, что несколько строчек на кладбище поют, подходят к кладбищу и поют: «Недолуо осталось идти по узким, тернистым тропам», что-то вот в таком духе. И опускают, тоже поют и уже закапывают коуда, поют еще раз и уходят спокойненько. У молокан даже так, есть что-то: нельзя ни плакать, ни терзаться, плакать тоже запрещалось, в общем, плакали как-то сдержанно. Не так, как приехали эти, с запада, как они кричат, уолосят просто без дела, можно уде-то и сдержаться, можно и поскромнее себя вести. Есть специальные плакальщицы, которые... Знаете, вот так ровненько, я даже не знаю, как сказать, всё, ну, вот ровненько, ну, как ручеек струится.

#### **4. Как Пасху праздновали «Пасху обязательно пекли, потом горку делали»**

Никоуда не рууались. Вот дедушка уворит, даже называл мужчину, который, уворит, у неуо козырька у фуражки не было, по имени отчеству, здоровались всеуда с поклоном. И я помню даже, вот с дедушкой здоровались: «Здравствуйте, Иван Иванович». Раскланивался каждый. Ну, целовались на Пасху.

Запрещали Пасху, как же не помнить. В школе проводят беседу: «Смотрите, чтобы не праздновали, чтобы яйца не красили, чтобы не стряпали ничеуо». И в этот момент, девочки, самое страшное: подуадывали всеуда, нам делали уколы. Это такие уколы страшные были, я не знаю, зачем в войну. Прививки, да. Причем, эта прививка какая была! Дед Винокуров у нас коновал был, ну, в общем, только моу вот так пузо йодом намазать и больше ничеуо. Лекарь, ну-то, он что-то там, что-то там закончил, какие-то курсы, ну, всю войну и после войны работал фельдшером. Вот Нюрка у неуо была. Нюрка. Как же ее звали? Фадеева. Санитарка. В определенный день приходит с примусом в школу. Что значить примус, знаете? Науревется. Да, накачивается керосином, запах такой, запах. Ну, в общем, мы все плачем, это настолько страшно. Иулы были вот такие здоровые, все ржавые. Не ржавые, а с накипью, в общем. В детстве мы дохлые все. Ну, что там! Вот вы тростиночки, мы еще хуже были. Он оттягивает под лопатку кожу, вот таким образом и всаживает туда укол. Ну, мальчишки потом наловчились и уворят: «Выдавливай скорей, выдавливай». Ну, кто не успевал выдавить, температура была под сорок. И вся школа лежит мёртвой, и всеуда, значить, это делали на Пасху, старались, вот. Специально делали. Все лежат на Пасху, отлеживаются. Температура страшная, всю ночь лечишься. А потом, ну что это было? Не знаю, что там, это не корь, корью мы все отболели в детстве. Все болели корью, мы отболели, и меня поили кауором –

это очень хорошо. И я так пристрастилась жрать этот кауор, потом закатывала истерику, если мне не дают. Вот сейчас, если я выпью столовую ложку кауора, я буду под столом лежать, а это чайную ложку наливали, я еу с удовольствием выпивала. Он хороший был, ведь. Ну, может, меня это и спасло от всяких болезней.

Яйца луковой шелухой красили. Ну, чем еще? Вот бабушка в основном предпочитала лук, что это же не опасно. Ну, кто-то чернилами, кто чем моу, кто что находил, и чернил ведь не было, мы же сажей писали. Конечно, иурали в яйца. Не по досточке – по ровной поверхности катали, выбираем ровную поверхность.

Платья нам новые шили обязательно, нарядные. Бабушка пекла очень мноуо этих, печенюшек, вот тарочки с твороуом там, шанешки назывались, с твороуом, ну и с повидлом, допустим, домашние. Пасху обязательно пекли, потом уорку делали. На сковородке, значить, большую сковородку брали, высевали пшеницу, чтобы она зазеленела, и вот на это накладывались, ступеньками как-то делали и яички клали крашенные в эту зелень, красиво было.

Пасхи, значить, и большие и маленькие пекли. Мне доставалось всеуда взбивать белочек. Очень сложно, не знали, что вот сейчас, в холодильник поставишь белочек, он быстро взбивается. А то надо было вилочками. Вот две вибочки связываешь, и часами сидишь, пока взобьешь. Сахар с белком взбивали, очень долгу надо было работать, чтобы взбить.

Стряпали в формах. У нас, в основном, были такие высокие. Большую, самую улавную пекли и несколько маленьких. Обычно баночки из-под повидла, что ли там, я не знаю, кастрюлька какая есть, чтобы было. Сверху нечем было сыпать.

Ну, если были конфеты – уорошек, то пытались там написать Христос Воскрес. Ну, пришел к нам дед Морякин один раз и уоворит: «Надежда Серуеевна, ты думаешь, что ты тут написала?» А она из теста делала Христос Воскрес. А тогда Амурская область входила в Хабаровский край, и машины были. Сейчас АМ\*, допустим, АМО там, а то были Х – первая буква. Ну, он еще так сказал: «Это вот у шофера так это вот – хреновый водитель». Бабушка: «Ух-ты, уреховодник какой, ну-ка сымай». Я сняла. Ну, что же делать? Бабушка так сказала. А она у нас вообще была чудо. Поедет в Благовещенск, там у нее, значить, были знакомые. Они – молокане, ну, фамилия почему-то Лысенко. «Поеду к Лысенкиным». Вот уде кинотеатр Амур стоит, а по той улице, значить, стояли деревянные дома. У них дом был хороший, крашенный, сад, и они чай хлебали там. Не знаю, как. И в общем, один раз поедет, узнает новость, что нельзя и уустый чай пить. Она так уоворила: «Пить, ну, крепкий-то, на сердце действует». Друуой раз приезжает – надо крепкий чай пить. И вот мы постоянно, она привозила новость, и мы ей то уустый делай, то друуой. Такая интересная женщина была.

Вот дедушка, допустим. Вот приехали к нам соседи уже в пятидесятых уодах, и была бабка такая скандальная и кричала, из Курской области: «Гром вас пробей, паралич вас расшиби». А дедушка уоворит: «Да Боже мой, Степановна, да что же ты так рууаешься-то?» Вот так он уоворил: «Надо один с оунем, а друуой с водой» – вот это дедушка уоворил. Он родился в Таври. Ну, отец у неуо был коммерсант, и никак у неуо ничеуо не получалось: ездили по всей России и по Камчатке, уде только ни были, ну, в Новоалександровке они осели, а женился на Жариковской, Жарикова Пелауея Андреевна – это моя бабушка.

## 5. Как лечили заговорами

Это такое страшное дело. У меня было такое. В общем, никто его не знает. На ноуе вот вскочила сибирка. Я была совсем небольшая. Она мне как сказала, дядина жена из Тамбовской области, они потом уехали, у(ово)рит: «Сибирская это что-то, как пшеница нарываает, вздувается ноуа». Допустим, у меня вздулась, температура, вот я, у(ово)рю, измеряю температуру, у меня температуры нет. Вот я уоворю, вспомнила, у(ово)рю: «Баба Шура, у меня, наверное, сибирка, поехали». Она тридцать второуо уода. Уосподи! Какая же она мне баба! Ну, конечно, сейчас она для меня, она вообще какая баба Шура. «Да нет», – уоворит. Ну,

---

\* АМ, АМО – буквы на номере машины, указывающие на регистрацию транспортного текста в определенном регионе

представляете на ноуу не наступала, ездила в Тамбовку, ничеуо не моули сделать, ноуу не опустить, я на стуле ноуу держу и терплю. Так она зауоворила, значить, пятнадцать минут прошло, я встала и пошла. Вот сибирка. А потом мне знахарь уоворит: «Да вы бы суорели, как вы не суорели? Вот температуры нет, суорает человек. Как вы моули вот такое выдержат?».

Ну, я, например, помню, как и нелепые зауоворы, эти не зауоворы, а зауоворы, зауоваривать. Зауовор это, ну, против коуо-то что-то. Вот, значить, не знаю как. Вот смотрите, рожу зауоваривают, слова совсем улупые, я наизусть знаю. Значить там, ну, она там плюет, ну, молитву просто читает и уоворит: «Рожа, рожа уними, – ну, мы бы сказали «уйми». Правда? – у рабы божьей, допустим там, Валентины, кожу и наоборот. Кожа, кожа уйми у рабы божьей, допустим там, Валентины, рожу». Три раза. Вот так переуоваривают. Я записала как-то и почему-то запомнила. Вот и она тоже проходит. Вот приходят к ней, это рожа – краснота такая. Лечат этими, антибиотиками. Но вообще в больнице инфекционной лечат. А она зауовором. Только знаю сибирку, рожу она лечит, сулаз, наверно, лечит.

Вот я всех внуков лечила, сына. Этак сулазили еуо здорово. Вот берешь, просто языком лижешь вот это место. Да и сплевываешь. Если сулаженный – уорько-соленый пот, или, в общем, три раза плюешь, потом берешь сторону подола и вытираешь, и всё. Я своим подолом, я своим, значить. Значить, берешь ребенка, наклоняешь над умывальником, над краном, и смываешь личико и уоворишь: «С утицы водица, с младенца лиховица, откуда взялось, тому передалось, кто со злобой колночей, тому слезой горночей». Вот три раза повторяешь, и все. Ну, я так не знаю. Вот таким образом, вот подолом вытирать, прекрасно помоуает. Ну, как лиховица. Зависть или как? Ну-ка, давайте переведем. Лиховица, ну то есть, ну, плохое что-то кто-то там пожелал.

*Филимонова Ганна Михайловна, 1917 г.р.  
С. Жариково Тамбовского р-на Амурской обл.  
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2005 г.  
Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.*

## **1. Молокане**

### **«У православных своя вера, у молокан своя»**

– *Так вот говорят ваше село молоканское?*

– Ну, молокань, вера такая. У православных своя вера, у молокан своя. Да, баптисты, у баптист(ов) своя вера была, у молокан своя, у православных своя. Православных здесь мало было, баптистов мноуо и молокан мноуо, вот. У молокан и баптистов тоже разная вера, у православных тоже. Православные-то к нам переселенцы приехали сюда.

– *А молокане молились как-то по-особенному?*

– Родители тоже мои уже молодые были, а деды молились. Моленные были, у нас и баптисты были, и молокань были, а православов у нас не было. У нас православные появились, когда уже вот коллективизация стала, вот тогда появились православные. А церкви у нас не было, а была только молоканская и баптистская моленная. А местность вот, молоканская была местность. Где вот сейчас эта живет, коммерсант Люда Жарикова, вот здесь молоканская была, как вам сказать, моленная. А баптистка моленная, где клуб. Там была баптистка моленная. Тут были баптисты и молокань, а православных не было. Православные, ну, были, может быть, так мало, но не было никого таких православных сказать, что церковь была или чё, а если были, маленько только в Тамбовке.

Ни у молокан, ни у баптистов не было икон – у православных были. А православным, здесь православноуо собрання, раньше собрання звали или приход у них, у нас в деревне не было, в деревне у нас только баптисты, молокань, а православные ездили в Тамбовку. В Тамбовке там было, собранье.

– *Какие молоканские фамилии здесь были?*



– Дружины, Филимоновы, Жариковы, Сычёвы, но Сычёвы были православной веры. Еще какие? Востриковы. Вот это-то были. Тулуповы больше всего в Граждановке жили, в Граждановке, здесь, знаете, Граждановка деревня была, вот там жили. Здесь Тулупов один есть, ихний уже внук, Тулупов Борис.

– *Они богатые были, Тулуповы?*

– А как вам сказать, раньше, конечно, бедных мноґо было и боґатых мноґо, и очень боґатых мноґо, ну, и я не знаю, мои родители не скажу, ни бедны были, ни боґаты, средняки, может быть. Деды мои, ну, хорошо жили, ну, рабочих не имели, своя семья большая была, свои рабочие были. А у некоторых нанимали рабочих. Вот, например, Филимоновы. Я вот Филимонова, за первого мужа выходила, за Филимонова, а его родня Филимоновы были эти, имели работников таких, нехорошие были люди. Почему нехорошие, потому что работников обижали. Ну, и раньше ґоворили, вот мы комсомолами работали, тоже ґоворили про Филимоновых. Филимоновы плохо содержали рабочих. А вот некоторые, видите, плохо (относились). Плохо и вот я вам, чтоб вам не соврать, молоканского одного старика и убили, он очень плохо содержал рабочих, рабочие его и убили. Это давным-давно было, я ещё маленькой девочкой была, ну, разговоры-то были. А село наше было большое, две улицы было, это была большая, а та была маленька улица. Ну, тож хороша деревня, очень хороша. А сейчас что, девчата? Почему вот, девчата, ну, вы ведь молодые, почему такое допускается, а? Вот в Александровке лучше, там боґаче, как-то село лучше, как-то дисциплина или, может, мои там родычи. Я часто вспоминаю свою деревню, была хорошая деревня. Эта улица боґатая была, боґатая такая, ну, хорошая, большая улица. То была Верхняя улица называлась, эта Нижняя улица называлась, а та Верхняя улица, там победней жили, но все равно у всех порядок был какой-то. Сейчас, девчата, никакого порядка. Дома строили деревянные. Хто и двухэтажные, но не любили двухэтажные. Одноэтажные там, зал, кухня, зал, там прихожая. Ну, в общем, вот такие дома.

Я жила, как вам сказать, только начиналась советская власть, я родилась, я в семнадцатом ґоду родилась. Советска власть только начиналась, потом развивалась, потом пошли колхозы. Тогда были единоличники, была наша деревня и была Граждановка, вон там за речкой. У них одна улица была, там боґатый был, там мельница была, но и здесь хорошо всё, боґатый эта улица, боґатый, те победней жили, что я помню только.

## 2. Пасха

### «Раньше так весело было, так ждали Пасху, к Пасхе готовились»

– *А что молокане ели? Любую пищу?*

– Нет, чушек не ели, молоканы у нас не ели чушек. Не ели, они считали, вред – чушки. А баранина, ґусятина вот эта, ты, ну и, скотское такое коровье мясо. А чушек... Боже, избавь! Чушка была, как сказать, она на небо не смотрела. Пирожки стряпали с черемухой. Мололи черемуху, с сахаром. То с мёдом, то с сахаром, и пирожки пекли очень хороши. На листах. Больши листы вот, как вам сказать, вот таки широки, вот таки длинны, и в печку сажали. Печки были, такие хлебы пекли. Там пирожки пекли, на листы, вперед, пирожки испекут, потом хлебы сажают. Булочки, хлеб, булки. Пекли печенье, у нас так называли. Заводили, заводили, печенье, сдобы. Ну, сдобы, вы ж знаете, сдобы чего ж. Или вы молодые? На сдобы, ну, там яички, там сметана положит или на молочке и яички положит, сахарку положит. А потом она всё подымется, опустит её, потом ещё она подымется второй раз, выкатывают печенье и делают, особенно с черемухой делали, и ґруши, ґруши, здесь ґруш мноґо было. Не крупные, а такие амурские ґруши, у нас у всех, у мноґих здесь былó, у всех почти в садах. Пышку раскатают, ложут туда, это, как её звать... начинку. Вот, например, пышка, туда ложут начинку, потом закрывают её или так закрывают, или просто вот так закрывают. Она вот так вот выпекается, а этот снаружи. Ну, хорошо каждый раз на Пасху ґотовили пасху, стряпали, теперь это, яйцы красили на Пасху, как мы, как катали очень весело было.

А яйцы, как накрасют яйцы, красили яйцы в субботу, завтра, например, Пасха, воскресенье, а в субботу красют яйцы, а ночью бабушка с дедушкой там, кто ещё молодой там,

разделют семьи, были семьями большими, разделют яйца, кому сколько по тарелкам или на чём и де разделют, надпишет дедушка. Вот и утром встают все, получают свою долю и потом все наряжаются в новое. В новые рубашки там, штанишки, а девчонкам платти обязательно на Пасху. И катаем яйца. А яйца вот положить в печь или на кирпичи и доску, вот так вот, и вот катает, и урает яйца. Например, вы ставите, а он катит и вот выиурывает, чьё яйцо выиурает. Очень интересно тогда было. В лоб яйца били, возьмут по лбу и стукнут. Там один такой был такой острый, один тупой конец. И вот этим острым в лоб дадут. Если выиграет или проиграет, как вот это я забыла, иурали. Что вы! Раньше так весело было, так ждали Пасху, к Пасхе готовились. Кто побогаче, побогаче плаття.

Очень Пасха была хороша. Пасху все ждали мы, очень ждали, ходили. Вот мои родычи были молоканы, а потом ещё были баптисты. Кто ходил к баптистам, а кто к молоканам, к баптистам интересней было ходить. Они там угощали детей, такой у них порядок был, а молоканы нет. Молоканы жадные были, хоть и мои деды молоканы, но там не угощали детей, как-то не очень принимали, а баптисты очень, собирали, собирали там утренники, ну, как вот сейчас собирают, и они чаепития делали. Жадные молоканы. Ну, может быть, вот так какой, может быть, такой старший жадный вот и, пожалуйста, он командует всем. А у баптистов чаепития были, это у них порядок – на Пасху чаепития, обязательно детей угощают, потом сами, но без водки, без водки. И у молокан без водки, у молокан чаепития не справляли, а каждый свою родню или знакомых приулашает на Пасху домой и дома, но без водки. А пасху круую пекли. Круую пасху, потом её, ну как, как булку выкатывают, потом её украшивают, мажут её, яички, яичками, сметаны помажут и крошат конфеты, разны конфеты как-и, и посыпают её. Она красива-красива, когда пасха. Кто побольше делает, кто поменьше, пекли в печке. У кого печки, в печке, а у кого уоландки, в уоландках пекли. Ну, раньше Пасху праздновали мы, ну, ждали её, ждали, улавно. Знаете что, девчата, платтев два шили, чтоб на первый и на второй день нарядится. Побоуаче кто – побоуаче там материал, кто победней – победней. Но моя мама была портниха, она меня хорошо наряжала. Вот так вот. Я и сейчас вспоминаю. А сейчас никого не остается, молокан уже никого нет.

– *А, говорят, молокане родительский день в другой день отмечают, не в понедельник.*

– Во вторник. Кто во вторник, кто в понедельник, кто во вторник, молоканы во вторник ходили. Лóжили на могилу угощение, вот так вот лóжили, а сейчас не разрешают лóжить, сейчас безобразия делают. Раньше разве так было? Придешь, а уберут, так уберут, так и есть. А сейчас что ты! Положат, так уйдет, и всё там наделают безобразия на кладбищах. А мы, как вам сказать, мельчили и посыпали, посыпали яичками, посыпали всякими крашенными. И яички лóжили. Ой-ой, яичков, норму всем норму, кто поменьше – поменьше. Мы кричали дедушку, просили тоже нам побольше яичек. Ой, Пасху ждали очень. А сейчас, девчата, что вы ждёте?

### 3. Одежда

#### «Бедные люди ходили в школу до самых морозов разумши...»

– *Одежда какая у молокан была?*

– А длинные юбки, кофточка короткие с оборочками, со стёжечкой молоканы носили. А на улове платочек, обязательно платочек да ещё... вот так подвязывает, молодые вот так. А бельё обычное – рубахи. А штаны не носили. Без штанов ходили. Холодно зимой, и всё равно длинные юбки, юбку вниз шьют. Юбка верхняя и юбка нижняя. И там ещё рубашка, рубашка, но рубашка одевается и юбка нижняя. Ну, широкие раньше были юбки, а потом верхняя юбка или платте, вот. Носили обязательно фартуки, я вот, я дак и сейчас ношу на юбке. Юбки, праздничные шерстяные юбки были, праздничные, а будничны – простые: ситец, сатин, сатиновы, большинство сатиновы юбки были, будничны – чёрные, сатиновые, там чёрны, мож коричневые, но большинство чёрных юбок. Кто умел, сам шил, у меня мама модистка была, она сама шила, и свою семью всю обшивала, и людям шила. На ноуах зимой валенки носили, а летом разумши ходили. Бедные люди и ходили в школу до самых морозов разумши, милая моя, побоуаче, конечно, у тех... или сандалии или что-нибудь ещё-то. Поку-

пали побоуаче, а бедные, знаете как, или свяжут им матеря или сошьют какие-нибудь чувячки. Раньше бедные и боуатые были, и средняки были, вот так. На руках варежки носили. Парни, девки носили перчатки, сами вязали перчатки. Пальто зимой одевали, кто длинные пальто носил, победней – дак бедней одевали, побоуаче – побоуаче. У нас дедушка был, как вам сказать, средняк, но побоуаче, содержал нас получше, получше там покупали нам. У меня бабушка была, принесёт мне на платте батист, раньше батист всякий: голубой, потом оранжевый, ну, яркий чтоб на Паску, с кружевами шили. Мама портниха была, она шила. Пасху встречали очень весело, а сейчас, девчата, я не скажу.

#### **4. Пицца молочкан**

##### **«В основном в деревне молочко всегда»**

У деда нянчила дедовых внучат. Доставалось мне тоже и от дяди, и от тёток. Убежим играть, а ребёнок-то плачет, нам надают. Гусей пасли, маленькие мы были, по восемь, уже пасли гусей, раньше чушек у нас не ели, а ели гусей. В праздник уготовили вот лапшу обязательно, гусиную лапшу из гусятины. Ой, как они нас кусали, эти гуси, щипали, будь они не ладны. Сейчас в Александровке у многих есть гуси, а здесь я не вижу, здесь захирела деревня, плохо стало. И по сорок, и по пятьдесят держали гусей. Кто побогаче – побольше, победней – поменьше. Мама моя десять гусей держала. Ну, а две гуски на зиму оставляли и гусака. Яйцы нанесет там сколько. Гусьтаты выйдут, а у деда было до ста гусей. Кроме гусей, овцы, коровы – общатина. Коровье масло делали, коров, что вы, доили, и коровье масло было. Сметану, творох, кисло молоко у нас называлось, это как же, варенец. Кипятят молоко, хорошее молоко кипятят. Сливками... Кислые сливки, когда сливки скиснут, закладывают, остынет, заквашивали до густа. Да в печку поставит, она обжарится маленько. Ох, и вкуснятина была.

– *Вы стряпали с творогом?*

– А как жеть, стряпали с творогом-то. А как же! Шанюшки делали. Вот раскатишь пышки, например, вот так раскатаешь, сюда положишь творох, и вот так вот заворачиваешь и как-нибудь делаешь этот рисуночек, это назывались шанюшки. А то пирожки, а пирожки с капустой, с картошкой. Стряпать-стряпали всё, и раньше и вот, и в советскую ж власть стряпали. Кто не ленился у нас, мы всегда стряпали, а кто бедны, то бедны, но ещё ленивые были. Оно и сейчас. Вот у меня дочка всегда всё делает. Она стряпает, всегда у неё стряпали или блинцы, или блины, или там калачики. Она всегда у меня стряпает. Блины толстые, девчата, и бывают кислые блины, а блинчики обязательно пресны и тоненьки-тоненьки. Это блинцы называется. А калачики... Ну, молоко. Сметану не ложат, она плоха. Сливки, вот, молоко ни молоко, а со сливками замешивают, ну, может, в друуой раз масла подсолнечна туда наливают, в тесто, или же такой сливочной масла, сахарку, кто любит, класть, такие В духовке я их девчатам напеку, они у меня в школу брали. С молочком, с чаем. В основном у деревне молочко всегда. Молочком калачик, в школу провожать - скорей, скорей, они раз поедят с молочком или хлеб с молочком. Молочко раньше было.

– *Молочкане много чая пили?*

– Очень, чересчур! И я люблю чай, чтобы я без чая, не могу, не могу и вот и вечером попью чай, а если я долго сижу, я ещё и ночью попью чай. Я люблю с молоком. С сахаром пили, пили все наши молочканы.

#### **5. Свадьба**

##### **«Невесту украшали, краса велика... со цветами вели»**

– *Как молочкане свадьбы праздновали?*

– Ну, сваты придут, заказывают за невесту. Жених невесте уговорит, что мои, уговорит, придут сватать. И вот приходят, засватают. Если отдадут, то соулаются родители, те и друуи. Раньше, знаешь, не слушали нашего брата, отдавали да и ваших лет. Понравится родителям, родители или кто, и всё, и отдадут. Они хвалят. Ну, хвалят, чтобы и жить хорошо,

то и друуое. Я вот сиротой была, меня пришли сваты сватать, а у меня не родная бабка была, она строуо с них трёх уоворила, а они уоворят: «Мы её будем жалеть, она сирота, то и друуое». Но я ничего не скажу, свекровка у меня была очень хорошая, как мать родная. Потом свадьбу назначают. Всяко бывает, бывает через неделю, а бывает через две, как управятся, как ресурсы позволят. Вот про ранешные свадьбы я помню, когда у нас, у молокан, ни в гармошку, ни в чё не играли, а свадьбу поууляют, потом делают вот так, я вам не моуу объяснить как, так как и деньуи кидают, чтобы невеста выбирала, и дети, вот и там выбирают. Набили, мама меня уотовила, карман у плаття. Я в карман наберу, ну, всяк было, каждый по-разному. Не было гармонии, у молокан, у баптистов не было, а у православных была. Здесь православные были две семьи, мы беуали туда. Уже побольше стали, смотрели, как свадьба идёт хорошо, с гармошкой. Ну, молокане, они пели таки молокански песни, а православные, знаешь, каки хороши песни пели? Помню одну молоканску: «Ох, как, братцы, надоела нам чужая сторона» – это пели и молоканы, это всё общая была. «Везде уоре, везде слёзы, везде мучают меня...». Эта песня, я уже забыла её. На какой мотив пелась «Ох, как братцы надоела нам чужая сторона»? Туда же отсылали людей, молодёжь, и они отработывали чё-то и это вот песню пели. Эта песня хорошо поётся, когда вдвоём, троём поют, печальная. А на свадьбу весёлые были. Приезжали за невестой, когда вот нынче свадьба. А, например, свадьба в обед начинается, приезжают к обеду за невестой. Ой, девчата, так было нам весело маленьким, беуаем нарядные, невеста нарядная, в лентах вся, ну, красиво было. Длинное, белое, платье белое на ней. Ну, батист, кто как, как вам сказать, ну, кто побоуаче – побоуаче одевал, а кто победней – победней одевает. Фата на уолове. С шелку. Фата с шелку, вот здесь цветы наделаны. У меня тоже была фата. Ленты были, косы-то у нас большие были, мы без косы не ходили, не разрешали, а потом уже дед не разрешал мне, волосы уусты были. Выходит замуж она же с косами, ну, вот такой закон. После свадьбы она уже завивала волосы, пшивку делала.

Венчались, знаете, когда у молокан попы были. У баптистов интересно, у баптистов интересней, чем у молокан. У баптистов так нарядно было всё, а у молокан по-строуому всё. Мы беуали туда, мы тут пели по-своему, по-молокански, молокански песни. Дед у меня с бабкой пели, я ещё такая маленькая, лет восемь было, бабушка и... Мне не нравится так. «Баптисты, лучше», – скажу. «Ах, ты, отчаянная!», – ругается дед. Божественные пели молоканы по-своему, я не спою сейчас, а баптисты по-своему. У баптистов веселей было, у молокан грустней.

Невесту украшали, краса велика, с этими, со цветами вели. Невеста красива, с лентами косы заплетёны, красивые, сейчас ничего не делают это.

## **6. О китайцах**

### **«Русские китайцев нанимали работать...**

#### **Китайцы у них, знаешь, как работали, оуороды сажали»**

– Китайцы были, у нас китайский завод здесь был, кирпичный завод. Жили в фанзах. Фанзы у них низкие такие, потом, если побоуаче ... начальство у них тоже было, то они какой-нибудь дом у них тоже, а бедные, эти окна были бумажные. Белая бумауа, такая твёрдая, бумага белая. И не стекло, а бумажные были. А как они Новый год справляли! Как мы беуали! Нас ууощали там, липучки были. Деда нам не давали деньги и хаят: «Ой, да они поуаны, они их на коленке катают, – гов(о)рит, – эти липучки». А мы всё равно, они сладкие такие, маком посыпаны. Дед потом давал нам. У деда мноуо внучат было, но меня он почему-то любил, потому что нянчила я у них тама, нянчила ребятишек.

Китайцы, они ели лапшу больше, лапшу ели, вот две палочки, вот этими палочками они лапшу ели, вот так вот, уалушки ели они, тоже палочками. А припивать они чайку с чашку припивали. Нас ууощали, детей. На Новый год китайцы, знаете, как детей ууощали: липучки эти наделают, посыпют раньше маком, а мак подкрасят – красивый, а липучки, я забыла с чего они деланы, или они таки – липучиют. Поцугал у деда, дал деньги. Они рууают, но дают. А дают там чё две копейки, три копейки, раньше как было.

Нам не разрешали, не разрешали в фанзы ходить, вы знаете, у китайки ножки вот таки маленькие, они всё время сидели на нарах. Китайки никуда не ходили. Ну, конечно, как маленьким детям они сразу делали таки колодочки, и они ходили, ножки не развивались у них. Одевались всяко, халатики у них чёреньки, синеньки такие, это. Каки побоуаче, те получше, а победней... так.

Китайские женщины, вот я их не помню. Что ли в косы были заплетены? Но не помню, две или одну. Мужики, китайцы носили одну косу большую. И женщины косу, вот ну, не помню, забыла я, две или одну. У мужика так заплетена, как коса, и ходил, как с косой. Редко у них борода у старых. У молодых не видно было. На голове у них были панамы что ли, шляпки вот такие. Ну, небоуатый. Кто побоуаче, те шляпы носили, а победней какой-нибудь, таки панамы.

– А с русскими как разговаривали?

– А с русскими на русском, плохо на русском разговаривали. Русские китайцев нанимали работать, боуатые русские. Китайцы у них, знаешь, как работали, оуороды сажали, китайцы оуороды очень хорошо сажали и моули обрабатывать, сажать очень хорошо. Они тоже по-русски себя называли, мы их называли Вася там, Иван, вот больше всего Иван, Вася, Миша. Женщин я не помню, а женщины, они всё время сидели на нарах. Мы беуали, на Новый год туда побежим, нас уоощали, нас не пускали, а всё равно убежим, нас к Новому году вот липучками угощали. Женщины сидят всё время на нарах, ножки малюсенькие.

– А дома красиво у китайцев?

– Да ну какой там, урязно, урязно. Ну, как вам сказать? Не то что, как сказать, ну, урязно. Нары там, под них что-нибудь постелено, дерюа какая-нибудь, или не знаю, вот такой лахмотка какая-нибудь. Каки побоуаче, каки начальники, конечно, они отдельно, фанзы у них отдельно, отдельны все, а каки попроче, грязные, вшивые ходили. Были печки таки, не русские. Ну, печки, как обычно сейчас, варют, пекут они, они пекли пышки. Прям, простые пышки напекут, но на масле, у нас в деревне был маслозавод подсолнечный, да и они пекли всегда, пекли пышки.

– А китайцы женились на русских?

– А как же, женились, выходили бедные девки, выходили замуж. Да, некоторые выходили. У нас одна была женщина, у ней руки не было, не буду на себе показывать, ладони не было, у правой руки ладони не было... А красивой была такой, голос у ней такой, ну, красивая! А мать не родная у ней была, отец её за китайца отдал, а китаец был боуатый и какой-то начальник, ездил всё за ураницу. Она нарядная была, жили вон там, у нас ещё была улица за этой деревней, вот за этой улицей, туда далеко была улица, там китайцы больше жили, и боуаты были, там жили. А боуаты, ну, нарядны всегда. Два мальчика у ней родились, таки нарядненькие были.

*Саяпина Вера Васильевна, 1921 г.р.*

*С. Гильчин Тамбовского р-на Амурской обл.*

*Беседовали Крыжанская К.А., Радченко О.В., 2005г.*

*Обработала Архипова Н.Г., 2007 г.*

## **1. Русская печка**

### **«Русская печка была, хорошая печка была»**

Русская печка была, хорошая печка была. Вот она была в Гильчине, когда мы были маленькими. На печке на этой спали. Она так выложена до потолка так, примерно, метра полтора, не маленькая, до потолка-то печка. Так выложена крууом, а там назывался... Как урупка что ли называлась, урупка, или как это? Вот на этой урупке мы там ребятишками и спали. Постелят, она теплая. Там и в избе не очень-то было тепло-то, топить-то не очень было. На печке спали. Надо делать лестницу, она же высокая по лестнице.

А хлѣбы пекли, хлѣбы пекли в печках. А русская печка, она отличалась тем, что у ней было в ней хлѣбы пекли. В этой моей печке не испекешь хлеб, ну, может там, какую булочку, когда кто приспособит, а хлеб надо же печь на семью и много, не на один день, вот. Она так выкладывалась печка, русская печка вот так выкладывалась большая. Тут на полатях была эта, верхница, там мы уже спали. Так было выложено, труба отдельно. И называлась русская печка, где можно было печь хлеб. Там, ну, и сдобу́, какую вперед сначала испекут, а потом уже и хлеб, и выпекали хлеб. А плита все равно рядом стояла рядом. Плита пристроена, чтобы можно ужин-то сварить, обед сварить. Там же печки не всегда ва-арят, после всего это печку истопят, потом туда чууун поставят, мясо туда и поставят в печку, он кипит, варится. Борщ наварить можно.

– *Чем чугуны вынимали из русской печки?*

А вынимали? У меня там где-то был, но он пропал, наверное, конечно же, пропал. Он назывался роуач, больше всего роуачом называли его. Кочерга-то ведь такая, кочерга, ей там выгребают зóлу, жар там. Она так сделана, а тут, значить, сначала железная, а потом дальше ручка, чтобы деревянная ручка не уорячая была, и, чтоб она не сгорела, она была железная у основания. Рогач сделан полукрууом и как бы обхватывает чууун. Это ухват, он хватает и называется-то ухватом, потому что он хватает эти чуууны, внизу уже чууун, а сверху он пошире-пошире и вот такой ухват. Роуач или ухват вот так вот сделаны, загнуты. Внизу он проходит чууун, потом поднимают его, и он вверх берет, он тоуда уже никуда не денется, не сползет. Если такой сделать полукрууом, обнимает этой чууун и поднимает его. А поднять-то чууун, если на семью, то он большой, он тяжелый, его не поднимешь на таком расстоянии. Тут метра полметра сама заунетка. Заунетка перед печкой, перед самой топкой печной. Это называется заунетка, и дым уходит труба где. И вот ставят на заунетку этот, чууун, берут подвигают туда подальше к печке. А его не поднять, теперь, значить, делают такой каток. Круууый каток. Ну, как это, знаете, вот как пельмени делать скалки, скатать пышечки, вот, ну, вот там побольше. Ну, он тоже деревянный, он потолще, побольше, ну, как это, шо скатать. Его подкладывают под ухват, ухват ставят на него, а потом ухватом берут чууун. Он катить этот, каток катится, и чууун катится. Хозяйка, она уже меньше трудов занимает и силы тратит на это, чтобы поднять с катком. И сопровождает туда этот чууун и оттуда вынимает. Это я тебе рассказываю, когда еще жили в Гильчине, и когда еще я была маленькая. Но я оттуда уехала в лет одиннадцать, была я, наверное, десяти лет. А это я помню до этого. До этого помню, как это. Они роуачи были, роуач и ухват. Ауа, и под маленький чууунок. Его ведь там рукой не заталкиваешь, там же жарко. А его надо взять, а если я буду ведерный чууун подхватывать, а маленький чууунок, он проскочить. Для каждого, ну, наверно, они должны быть два или три этих ухвата. Так они стоят за печкой. Там такое есть – заделка, и они там стоят, как надо берут и делают. Заделка, как выразилась, футляр, что ли, между печкой и стенкой, чтоб можно было поставить не на виду, как в кухне, чтобы видно, она как вроде прячется. Полати, мы называли их полатями, потому что мы на них спали. Может, кто и не спал, может, у кого были хоромы большие, и места много было, и тепло было. Были же богатые и бедные, всякие были вот. А тут больше называлась печь, «ложись на печь», ну как можно сказать, «ложись на печь или ложись в печь». То ли вниз, то ли вверх. Так и уоворили: «На печурку, ложись на печурку или лезь на полати». А русские печки строили эти, уончары. Как их называют? Печники. Уончары, по-моему, эти делают посуду. А! Печники.

## 2. Отец

**«Он сам все делал: умел шубы шить,  
рукавицы шить, шапки умел сам шить»**

– *А у вас в деревне была церковь?*

Церковь? Был дом молитвы, потому что это была деревня молоканская, был дом молитвы. Ходили, наверно, все. Так деревня была молоканская. Ну, кто хотел идти, кто Боуа знал, а кто не знал, а кто не знал – ему там делать нечего, туда не пойдеть. Отец ходил, по-моему, ну, я хорошо помню, еще пацанкой была. А он умер в тридцать третьем уоду, а я с

двадцать первого, декабрьская. Ну, что считать год-то этот, это, значить, с двадцать второго. Мне одиннадцать лет было. Ну, он до этого еще, уже болел сколько. Это мне, может, девять было, он все мох делать и назывался шорник. Шорничал. Шорник. Он мох упряжь делать для лошадей. А упряжь там всякая, и как ее называли, упряжь или сбруя, а вот. Это вот сани, телеги, колеса, он тоже всё делал. Ему не надо было никуда ходить покупать. Лес есть рядом, нарубил, сырой покаместь есть, он его сделает, потом высушить, заунёт, как надо ему, высушить. Он сам все делал: умел шить, умел шубы шить, рукавицы шить, шапки умел сам шить. Валенки катать умел, валенки делать. Сам шерсть вот это вот. И у него была такая вот самая, дробилка, што ль. Дробилка, вот шерсть он эту раздробить, раздробить короткую шерсть. Короткая шерсть, наверно, осенняя-то. Ой, весенняя-то, она длинная, осенняя – короткая. Он раздробить, раздробить, потом в баню идем, там мочить и катает. И у него все были по ноге, эти вот колодки. А дробилка представляла чего? Какой-то вал, на нём, на этом вале были спицы как бы проволочные, проволочные спицы были, но они не знаю, какие они были, длинные или короткие. А вот когда крутить, это вот она же останавливается так. Там сделано, чтобы не вылезло, крутить ее как. Видала колодцы, куда старые? Крутить, воду достаёт, так и он крутить ее. А крутил, а это, этими спицами. Шерсть дробится. Она как бы раскатывается, она тогда мягкая делается, ее не надо вот так вот чесать. А вот эта дробилка раздробить её, а тогда легко ее раскладывает, и получают у него эти валенки. Сапоги не шил, потому что не было такой возможности, а назывались ичиуги. Как сапоги, но как чулки, ичиуги, так и назывались они – ичиуги. И в ичиугах ходили в летнее время. Куда покупать вот такие вот тапочки, чтобы были босоножки, как сейчас покупают, их не было. Тогда мох плести лапти, у нас тут, по-моему, на Дальнем Востоке не носили лапти. Выше колена у них эти, закрытые, из кожи сделаны. Вот что говорить: «Достал ичиуги, на рыбалку пойдешь? Да, на рыбалку пойду». Ичиуги, ичиуги и бродни. Ичиги, наверно, покороше. Это такая обувь, как бы сапоги, только без этих, без каблучков, а подошва просто такая сплошная кожа, нет, у них нет каблучков, ничего. Если кому там надо, он сделает там внутрь каблук там, чтоб пятка повыше была, и так одевали. А так больше, ну, носки, может, и вязали, а покупать их не было где, а больше портянки. Портянку наматывают, и ичиуги. А вот бродни – то надо бродить на рыбалку или на охоту по воде. Бродни. Бродить по воде, по урязи. Бродни – это для того, чтобы поймать рыбу, ну, бродить по воде, чтобы в воде лазить, но не руками. Надо самоловку ставить, зайти в воду по самый зад, вот надевают эти бродни. Пошел, и он сухой, и брюки у него сухие, и это вот. А женщины носили также, сандалики шили. Сами шили. А кто в город мох поехать, кто имел возможность такую, может, и покупали. Заводы-то все равно были в уродах-то, заводы-то были. Есть возможность – купать. Домашних тапочек не было. Я вам так скажу, что домашняя обувь, её, наверно, никогда и не было, вот этих вот никогда и не было. И краски вот этой никогда и не было.

Пол сосновый, по-моему, был. Листвяный, листвяный пол, куда его помоешь, он тогда красный, хороший тогда. А листвяный пол, у него листвяница – она желтая, светлая. Вот когда листвяный, листвяный пол, помоешь его, он светлый, белый, чистый и по нём ходили обувши, и в валенках, и сапогах, и с улицы, и везде, не разбираясь. Не разбирались, что на улице, что в избе был, только потом хозяйке-то самой мыть пол трудов стоить. А мыли мы его, я долго мыла пол, и крашенный-то долго не было, для того, чтоб он был чистым, охота чтоб был, пол, делали такие шорколки, шорколки называются. Как им шоркаешь, так и назывались или шорколками, где из проволоки, а где с этих вот каких-нибудь веточек. Ну, веточки какие-нибудь такие, чтобы они были погуще. Свяжут их, а больше – веники. Веников-то таких и не было, мало было, что сеяли да веяли, они грубее. Просто траву нарубят, нарежут, нарвут это, вот венички называется, она такая мягкая, пока не успеет поспеть. Навяжут их, они ими пол подметають. А он куда постареет, уже начинает осыпаться, он все на нём листочки, эти все вот им. Венички. Вот им и начинаешь шоркать, намочишь, а потом начинаешь его-то руками. А эти железные шорколки. Она же проволочная, тоже надо на ногу что-нибудь надеть, чтобы не наколоть, и вот так вот и шоркаешь пол. Вымоешь, он чистый, красивый, он долго терпит, хоть и обувши ходили, чуть-чуть да очищали ноги на улице. Ну, мыли же его каждый день, через день и белили печь через каждый месяц.

### 3. Зыбки

#### «Это такой ящик, такой красивенький сделанный»

Зыбки. Это такой ящик, он такой ящик красивенький сделанный. Длинненький такой, не квадратный, а так продолговатый так ящик. Он с узорами такой сделанный, сверху узорика на нем где-то, а дно у него делается из материала, чтобы не было урубо для ребенка. Потолще матерьял, что был, вот даже мешковина, может быть, или холст какой-нибудь, может быть, и обычная бязь. Бязь сами делали, пряли, ткали, обшивали для того, чтобы не на доску ребеночка класть. Ну, и постель как само собой, как всеуда и перинка есть, и подушечка есть, все так же это. А потом, у нас же этот ящичек, или как это назвать, у него там четыре уула, и в уулу сделают петли, петельки небольшие и протягивают эту петельку веревочкой, веревочки так же потверже, ну, не потверже, а покрепче. А у нас вот, примерно, была зыбка, она в комнате была, в спальне, и было приделано как вот эта штуковина. У меня вот память не было, как ее сразу назвать. Вот эта, вот это ввинчена в потолок, сделана петлей, ввинчена в потолок пружина такая, не слабая и не тугая, вот это пружинка. И вот эти четыре этих шнура соединяют сверху, там кверху и соединяют с этой пружиной. И можно так качать дитя. А потом это, зыбочку. Ведь летом-то и мух полно, ребятишек много, не спасешься от мух, потому что каждый где-то там наядит, а где-то там и поел, а где-то там опрокинул, где-то у него не закрыл. Мух полно, вот так делают полоу. Закрывают полоуом сверху там, где соединяются пружины, и донизу качают ребенка спать, за пружинку. Полох этот закрывают, и он спит спокойно. Можно цветной, можно и белый, можно и розовый, и голубой. Какой цвет не зависит от того, чтобы какая она должна быть.

### 4. Праздники и игры

#### «А жизнь моя – одна беда да горе, праздников не было»

– А как у вас праздники раньше проводились?

Ой, дороушечка ты моя. Какие то они у меня были, праздники? А жизнь моя – одна беда да горе, праздников не было. А коуда до сего дня, как я чувствовала, коуда еще девчонкой была, чувствовала. Это Паска было, великие праздники. А в марте всеуда это собирала яйца. Хоть и курей мноуо было и, как пост, не давала исть эти яйца свободно, там когда-нибудь их в стряпню положить. А собирала уору целую, наберу корзину на праздник, на Пасху. А кто их съест эти Пасхи яйца? Иурали или катали, иурали это. Яйца разные, накрашенные, красивые, а иурали этими яйцами.

Вот накладуть их в рядок, щас такую иуру не играют, странно, в рядочек кладуть, а одно яйцо беруть отдельное, ну, друуой оно окраски. Катають, на каком расстоянии там доуоворятся, катають. Попадеть в яичко, значить, этот, который катится, в яичко попадает. Кто стоит, оно отойдеть, значить, он выиурал, он её забирает, яичко, снова катить. Проиурал, значить, он ставить обратно, если проиурал, ставить обратно и друуой катает своим этим, своим яйцом. Вот только и забавлялись этими яйцами, а кто может съест одно – два яйца, не больше. А ну, так-то что, в мячики иурали и щас иурають такими, такие иуры не иурають ни молодежь, ни старики, ни ребятишки. Выжигалки. Ауа, и третий лишний иурали. А третий лишний – это встануть к круу, а один ходить, как бы вадит. Все берутся за руки и стоять, а он ходить и вадить, кого выбрать, третий лишний. Если он выберет, примерно, если он меня выбрал, он из крууа, так я должна его доунать и задеть его рукой. Если я задела, значить, он все, становится в крух, а тот, где он становится, убеуаеть, за ним уоняется. И так оно идет, так по крууу, по крууу. Не успеешь, если неразворотливый, тихо беуаеть, там беуають больше его, он бедный запыхается, покаместь он отомстит ему, значить, заденеть, что встать, будет беуать. Такая иура была, ох! Это третий лишний. А выжиуалки, тоже выжиуалки щас не иурають. Ты представляешь, какие выжиуалки? Вот в такой же круу становится вся молодежь. Щас-то молодежи нету, тоуда ребятишек мноуо было в деревне. Я ведь уородскую жизнь не знаю, в деревне-то мноуо было ребятишек. Собираются вечерком, коуда прохладно, и становятся также в круу и выжиуалки, а вот забыла, как иурали в вы-



жиуалку. Хотела рассказать, а не помню. А, кошки – мышки иурали, в кошки – мышки, я помню. Тоже так же крууом становятся девчата, ребята, ну, пацаны, крууом и, значить, кот сидить внутри, в зауородке, а мышки на улице беуають, за крууом. И вот он должен выско- чить из этого крууа и поймать эту мышку, а нихто ж не пускает его, так он целится, куда, где-то пройти, где там между рук, а может у ног успеет проскочить, уде вот, чтоб мышку поймать, а ему нет хода, и ему запрещают, закрывают ход. Вот он тоуда мечется, мечется, пока это он выско- чить с этого крууа и поймает эту мышку. Это были кошки-мышки, иурали. А вот выжиуалку я что-то забыла, запаматовала. Ну, ладно, что та выжиуалка.

## 5. Песни

### «Пел он песню богомольную»

Дедушка говорил слово «не замай». Какое же он еще говорил? А! «йоном». «Не замай» – значить, не тревожь, не троуай. Ребятишки рууаються, дерутся там между собой – «не замай, не замай ты еуо». «Не замай» – значить, не трогай, не шевели его. Слово «йоном» – значить, хорошо. Делай йоном, делай лучше, хорошо делай. Это было ранешнее слово, это было мо- локанское слово. Может, какие слова знаю, не помню.

– *А вот какие вы раньше песни пели?*

А, песни пели, я не знаю, какие мы песни пели. Мы пели песни советские, «Орленок» пели. «Орленок, орленок, лети выше к солнцу, возьми белый свет». Это я даже в школе за- певалой была, а почему выбирали запевалой, не знаю. И уолос-то у меня это был, уолос про- пал уже, уланды болять. Вот эти песни: «Орленок», потом «Петрушу»: «Прокати нас на трак- торе». Ну, это когда власть организовалась, были песни революционные, и мы их в школе пели. А публичные мы и не пели, наверное. Вот коуда мы были маленькие, мы пели те, что в школе. А коуда повзрослели, школу кончать, нам не до тех песен было уже, трудились по че- тырнадцать да по шестнадцать часов у станков. Так и песни эти не пели.

– *А спойте какую-нибудь песню?*

Спеть? А какую я тебе песню спою? Уосподи, когда уолоса-то и нету. А отец мой пел. Я рассказывала, как он шорничал, все делал, шил. И вот как помню я, сидел, я еще малень- кая была, а он еще, он еще болел сколько лет. Пока он не болел, работал, шил сидел, ичиуи шил или бродни, что-то он шил, а песню пел. Пел он песню боуомольную:

Бог – создатель моей жизни, не оставь меня в пути.  
Сам ты знаешь, я бессильный, не могу врауов любить.  
Бог – создатель моей жизни, не оставь меня, скорбя.  
Сам ты знаешь, я бессильный, не моуу врауов любить.  
В том какая же мне польза, если ближнего любить.  
Охладело во мне сердце, оскудела вся любовь.  
Я хожу, во тьме блуждаю, свет сокрытый от меня,  
А на сердце тяжкий камень не приваленный лежить.  
Ой, ты ануел, ты мой ануел, сними завесу с глаз моих,  
Отвали от уроба камень и от сердца моего.  
Ты поставь меня на камень, утверди стопы мои.  
Боуу слава во веки веков. Аминь.

Это он церковную песню пел, он ходил в церковь. А я помнила некоторые слова, теперь я последнее время нашла эти слова. Я щас стала ходить в церковь, вот эти слова нашла, а мо- тив я с детства запомнила. Это они пели, это они – родители, они ходили в церковь. А коуда мы выросли, советская власть началась. Уже слов – полслова, мама-то, она боялась, отец умер уже, мама боялась, чтобы кто-нибудь из нас да ни сказал это слово про Боуа, иначе по- садят или вообще расстреляют. Был такой запрет. Она боялась, боялась, и я боялась ее спросить, коуда уже интерес все равно, а я боялась спросить, а она бы мне не ответила, пото- му что она боялась за нас, вот. Вот божественная песня:

Пастырь мой, Уосподь всесильный,  
С ним нужды не знаю я.

И на благи обильный  
Ты покоишься во мне.  
Пусть мой пастырь направляет  
К тихим сладостным водам,  
Душу он мне поскрепляет  
По своим людским стезям.  
Если я пойду долиной,  
Где лесная смерть царить,  
Неправедный врах единый  
Сердце мне не утратить.  
Добрый пастырь, ты со мною,  
Посох твой и жезл святой  
К миру, к вечному покою  
Дух направлять слабый мой.  
И люби меня, жалея,  
Ты даришь трапезу мне,  
И меня струей еля,  
Умостил ты в тишине.  
Вот как радостно и дивно  
Под твоим покровом жить,  
Быть с тобою непрерывно  
И твоим путем ходить.

Это наша молоканская песня. Еще божественная песня.

Не пройди, Иисус, меня ты,  
Не пройди меня.  
Слышишь дух любви объятый,  
Не пройди меня.  
Боже, Боже, о, услышь меня.  
Слышишь люд мольбой объятый,  
Не пройди меня.  
Дай покаяться пред тобою,  
Мне найти бальзам.  
Я простерт к тебе душою.  
Помоги мне сам.  
Боже, Боже, о, услышь меня,  
Слышишь, твой люд мольбой объятый,  
Не пройди меня.  
Полагаюсь на тебя, лик ищущий твой.  
Исцели мой дух, спасая, угости святой водой.  
Боже, Боже, о, услышь меня.  
Слышишь, твой люд мольбой объятый,  
Не пройди меня.  
Ты – источник утешенья, лучше всяких благ.  
Дух ты мой, как в мире тлеет,  
Так и в небесах.  
Боже, Боже, о, услышь меня.  
Слышишь, твой люд мольбой объятый,  
Не пройди меня.

Вот эти вот слова: «Боже, Боже, услышь меня», – он молится, чтоб услышал Уосподь Бог. Все молятся, заглушают все. Он боится, как бы его не прошел Бог, чтоб его не обошел Уосподь, вот он просить.

## **1. Жизнь и судьба**

### **«Что он может им навредить, когда человек неграмотный?..**

#### **Вечный работяга и всё»**

И это дед мой, дедушка, аҫа, Саяпины первые приехали сюда, перв(опр)оходцы. Здесь была тайҫа просто, ну, лес они здесь вырубали, выкорчёвывали. И да дед-то родился, значить, может быть, здесь. И у него старший сын, дети были. Может, они тут родились. Про это я не знаю, что дед мой Саяпин Аҫап Поликаныч он родился тут, в этом Гильчинё. Ну и это, он умер в тридцать втором году, ему было семьдесят восемь лет, вот ско(ль)ко. А вперед этого я не знаю, это как наши рассказывали вот. Ну и это, теперь они ехали сюда долҫо, два года даже ехали, потому что едут ҫде-то летом они, останавливаются, сеют там, сажают, чтобы продукты былó, а потом едут. Зимой, они всю зиму едут. Вот так вот ехали они сюда долҫо. А как они приезжали, дак вот так ҫоворили, что у кого сынов мноҫо, а царь приказ создал такой, ну царь есть царь, ҫосударь и всё, приказ создал такой тем, кто едет на Амур. Ну, Амур, видно, уже исследовали раньше, по-моему, до этого, и до царя, может быть, исследовали, что тут всё ж таки боҫатства. Кто едет на Амур, в армию в солдаты не берут, а тогда брали, на двадцать пять лет брали в солдаты. Ну и вот, у наших, у Саяпиных, у них вообще девок мало былó, обычно сыны, сыны родились, вот. Сынов у неҫо, ҫ(ово)рит, было мноҫо, который дед-то приехал, двенадцать сынов былó. Ну, и он поехал там, ну, несколько, но не один же он ехал, там, может, двадцать, тридцать семей ехало вместе. Ведь и было тоже страшно ехать ҫде-то, и разбои были и всё на свете, вот так вот. Ну, как, Гильчин очень красивый. Сейчас-то домов тут... Вон там один стоит дом, вот этот Тулупов, друҫой там Саяпин, этот Иван, ой, Климан, Климан Иваныч был жил. А здесь вот Тулуповы жили вот, этот, Урусов, сейчас живут там. Все дома были хорошие, красивые, даже вот до двадцать девятого года здесь были, уже знаешь, коҫда с двадцать восьмым году начали раскулачивать. А какой он кулак? Да он просто работник и всё, разобраться-то, что же он за кулак-то, день и ночь на полях, в этой пропóченной рубахе. Это ведь можно так подумать. Ну, а потом их раскулачивали. Они ехали, это уезжали кто куда. Ну, сейчас я буду рассказывать вам как.

Уезжали, это, наши перво(про)ходцы. Знаешь чё, вот бабушка потом после приехала, дак она ҫоворила, её-то и собственно её адрес. Так, Самарская ҫуберния, Николаевский уезд, село Тяҫло. Это бабушка. Кто не приедет, вот солдаты в войну были, она спрашивает: «В Самаре, как она там?» Жила, она всё спрашивала, как там, хотелось ей в Самару.

Слушай, а как понять? Как понять, ведь в крайнем случае, вроде боҫатый, ну, сейчас вот кто, и после? Кто в колхозе работал, тот и боҫатый был, ну под конец, конечно, обманули колхозников, многих обманули просто. Так, раскулачивание было в двадцать девятом году тут вот, примерно так. И в этом, как еҫо, ну да тут с двадцать восьмого по тридцать второй. В тюрьмы забирали. А забирали ведь коҫо? Это вредительство полное было. К примеру, он живет, у неҫо семеро детей. Какой он кулак? Какой он дурак? Какой он вредитель? Что он может им навредить, коҫда человек неҫрамотный? Ну, что ты, что может сделать человек-то? Ну, вечный работяҫа и всё. Вот так, знаешь чё, в этом раскулачивали тут всех. Вот Саяпиных, допустим, мноҫо их, они же приехали давно, дети, сыны, работали сами они. Вот тут вот жил Мартын Митрич, Мартын Иваныч, у неҫо ведь триста коней рабочих. Ну, работников держал там, сыны еҫо, а работники также, как вот и в колхозе. И работали, он платил. Платил. Ну, некоторые, правда, были такие, что обижали людей, а некоторые ведь честно делали. Они также работали, получали у них там подённую. Или как там платили там?

Как пришли они тут, по рассказам, вот они начали работать. Они сами пахали, сеяли. Ну и, правда, етих держали, работников. Потом позже, ну это, конечно, я токо по словам знаю, я-то с двадцать четвертого года. Уже в тридцать втором, как вот деда хоронили, тут

уже я знаю, как забирали людей в тюрьмы, вот. Уорлова Ивана забрали, ведь у неё семеро детей. А старшая самая с двадцать пятого года была, Катька. Какой он вредитель? Что он мог навредить? Он знал в колхозе работу, да и всё. И за что её взяли в тюрьму никто не знает. Теперь Саяпин этот, Михаил Иванович. Ну тот, правда, у неё тоже жена умерла, на второй женился. У неё дети сводные были, тоже где-то шесть или семь детей было, вот сводные. Да у этой четверо было, да у той трое. Вот семеро было. Теперь этот, Саяпин Андрей Григорич. Тоже семеро детей, ну и все маленькие, один одного меньше. Самый последний или грудь там сосал или ещё не родился, вот так вот было. Всех их позабрали. Вот в тридцать втором году, например, Мясников этот, Андрей Амнеич, её тоже в тридцать втором арестовали. Моя эта тётка за ним замужем была. И что вы думаете? Семеро детей осталось у них. Ну, вот этих вот брали. А это брали для чего? Как вот я думаю что, чтобы, знаешь чё, советскую власть уничтожить. За власть Совета тут уже начали жить. Ну, и улавны, знаешь, идеи эти. А это забирали, обозлить людей, кою, дескать, забирають-то – нищету. Вот, а какие они кулаки были? Вот, которые побогаче, они все грамотные. Они поехали? Они устроились работать, также работали, ну всё.

Брат жениться задумал, её, ну и ещё там один женится, ну, два жениха, а покупать-то в этом, на Сахаляне\*, Сахалян – город, тут тогда эти, открытые урании были. Ну, как урании не было. Вот они поехали закупить, ну, материи там. Как сейчас задумают жениться, в город едут, покупают. Так и тогда туда поехали. А тут уже после революции уже не было ничего в магазинах вообще. Поехали. А их тут этот, мужик. Ну, там знаешь, серчал, мож, на бабку Лукерью, что она замуж за него не пошла или чё, что не знаю. Ну, сказал, чтоб их забрали. Поехали их выручить. Ну, и туда приехали, там же китайский посёлок, в китайском посёлке, а китаец ему (ово)рит: «Ты, Степан, не ходи, тебе сейчас там злой начальник приехал, они убивают русских всех». Ну, китайцы, фунфузы\*\* или кто там такой, пришли. Ну, и он поуб там. Его только отдали через два месяца хоронить. И то это, что мама бедная была, а у маме оставалось шестеро ребятшек и самой старшей, верите нет, – моей сестре – семь лет. Это я с двадцать четвертого года, а сестра была с семнадцатого года, вот она самая старшая, а я самая меньшая. Вот тут и уляди-ка, ага, а мне только один месяц был всего, вот и так мать осталась, когда уже записывает это, а тут, ну знаешь, всякое бывает, может быть, их заставляли под пулеметами. Как, я не знаю, что он докладывал-то всё. Может быть, кто знает как, ну, вот он-то доносчик был, написал. Маму мою записал, это, кулачком. Какая кулачка? Уосподи! Ну, действительно, разутые, раздетые дети, а она одна десять лет живёт, вдова, и такие дети мелкие. Ну, правда, же ну чё, уосподи, не десять, а меньше она тут жила, конечно. Ну, это уже, там мною, мною нехорошего было, а тут дальше в войну мы, Уруня и я, мы учились на трактористов.

Мы, знаешь что, тогда был призыв Паши Неделиной, она была трактористкой, вот призывала она девушек, чтобы девушки шли на трактора. А почему? Потому что готовились к войне, всё равно знали. Теперь, это было в тридцать седьмом – в тридцать восьмом году. Вот в тридцать девятом году, а мы тогда чё, четыре класса кончили, больше никуда никто не ходил учиться, как вот в деревне. А семь классов – это уже, знаешь, у кого есть большие возможности, чтобы он в чужую деревню поехал учиться. Там было надо воз дров на месяц, теперь за квартиру платить. А чем мама моя будет платить, когда в одном сапоге дояркой работала? А там ничё не получали в колхозе. Очень, очень трудно было, голодные, разутые, раздетые были, ну и при такой семье. Потом, правда, померли, осталось нас четверо: мама, я и, это, две сестры. Ну, они, правда, одна в этом, Раздольном работала хорошо. Она дояркой работала, телятница, она всю жизнь в таком почёте. Ну, работница! А какой работник хороший, потому что неграмотный человек. И вкалываю, вкалываю по-чёрному. Ну, и тут отправляли нас, мною отправили на курс трактористов, двенадцать километров в этой, в Муравьевке корховской, эмтээс\* был, при эмтээсе. Ну и это, как её, учились мы, учились, это

\* Сахалян – старое название провинции Хэйлунцзян и г. Хэйхэ (КНР).

\*\* Хунхузы – китайские разбойники.

\* МТС – моторно-техническая станция.

было в тридцать девятом году, нас три месяца проучили, и вроде трактористы. С весны нас на трактора поставили, хорошо прошли, эту практику прошли, после всего нас, ну, тракторов-то не было. Ребята полностью работали, мы поработали только вот посевную, и нас всех троих на штурвал, на комбайны, туда комбайны были и штурвальные там. Мы ушли туда на комбайны, все трое работали. Теперь в тридцать девятом, в сороковом и в сороковом году также мы на штурвалы проработали, ну, нас в тайгу. А как мы? По шестнадцать лет сравнялось, паспорта получили, а тогда в зиму ездили в тайгу на заготовку леса. Ну, им народ надо. Тридцать шесть человек, допустим, из колхоза, кто-то тут нужен, а таких, как мы, отправляли туда, ну, и мы уехали. Все ездили, не только мы, а тридцать шесть человек ездило. Приехали оттуда, меня, правда, поваром назначили. Уруня тоже варила, а Утя, я не знаю, где она тогда, ну, тоже работала на посевной, наверно, на сеялке, наверно, работала, скорее всего так. Забыла. Ну и это, как её, сварила обед, а война началась, война началась. Мы, знаешь чё, не в курсе, мне шестнадцать лет было, семнадцатый год шёл... в сорок первом году. Откуда я знала, какая война! Война, война, ну, тут видишь, радива тогда не было, газеты мы никто не выписывали и знать понятия не имели, что газета там или читать её надо или чё. Не было этого, темная деревня и всё. Ну, на почте работал этот, Митечка, он говорить, как этот день помню, ну, там чё-то сообщили, он говорить – провокация, провокация, все говорить – провокация. Теперь дальше. Я, ну, я варила, как обычно. Привожу обед, и там пасека была, Егоров сад был. А Егор Акинтич, Егор Акинтич куда-то у него был там сад, хороший, хороший сад, очень богатый там у него сад, замечательный: уруши там, ранетки, всё вот это вот. Его раскулачили, он уехал, потом колхозная пасека там стала. Ну, там подъезжаю туда, все трактора в ряд стоят. Спустилась к нему, родник там, там озеро у него было, так красиво-красиво было. Я (ово)рю: «Дедушка! Что такое? Все трактора стоят в ряд, я не пойму, в чем дело, никого нет?». А он (ово)рит, плачет: «Война, война!» У него четыре сына. «Поеду, подожди-то, я сейчас с тобой поеду в деревню, да провожу хоть сыночков-то своих». Плачуть и плачуть дед, а тут, тут спуск, косогор, тут овощеводство работало, овощеводы были, а Тельная тётя Аннушка была этим, бригадиром. Я подъезжаю туда, (ово)рю: «Вы будете обедать, я привезла обед. Куда мне деть его? Ну и это, – (ово)рю, – бабы, будете обедать». Я обед сварила, как сейчас помню, борщ, вареники на второе сделала со сметаной и чай привезла. «Ну и это, – (ово)рю – война, а мужики?», а дед плачуть: «Война, война, мобилизация!» Как бросили бабы тятки и как дунули, дак я на коне не могла их догнать! Крик такой подняли, ну не все, а у кого мужики до этого забирали, на сорок пять дней, на подготовку. Это где-то в мае месяце, во второй половине мая забирали, да у конце мая забирали на сорок пять дней, на переподготовку. Сорок пять человек, по-моему, у нас забрали, а потом ещё вроде брали, ну, и вот так вот.

Ой, приехали, а вы верите нет, крик в деревне! Жуть! Они три машины, туда полторки были, они стоймя все, вот набиты, как селедки, так вот набиты мужики, стоят на этой, на машине. И традиция такая, по-видимому, ну поверье, старики говорят: «Садитесь». На позицию раньше ехали, всеуда кругом объедуть деревню и едут. Ну, вот они сели как, тут контора была, они по второй улице это так это три раза объехали, а все мужики-то молодые, да пели так хорошо. Туда, знаешь чё, не было радива, все пели своими голосами. Было, как вечер, и мужики и бабы песни такие поют! Ой, выдуть, молодые все, старые выходили на улицу, ну, кроме больше кино, дак не привозили, редко, мож, в три месяца один раз, если привезут, так вот так, и то полный клуб набьется, хотелось посмотреть. Ну, а первая машина поёт: «Последний нынешний денечек», вторая машина едет, поёт: «Не вейтись, чайки, над морем», а третья: «Вы не вейтись, русые кудри, над моей большой головой». А так красиво пели, господа! Заехали мы в деревню пока, а тут, ой, голоса старухи, ну, и старухи, и бабы. Такой крик в деревне! Ой, просто я вот никогда этого не забуду. Ну и всё, вечером уехали, вечером такая жуть, такая жуть, просто, знаешь, ну свету-то не было туда, лампы, и тут, зна(е)шь чё, светомаскировка. А Япония туда зуб точила на Россию, просто не было покоя от неё. Вот, сразу сделали светомаскировку. Война, страна на военном положении, всё. Вот мы на Дальнем Востоке всё равно так сделали. Ну чё, утром рано ещё, а бригадир, так они поехали туда, а там военкоматы не успевают, это, ну, работать: людей-то очень много, что-

бы как, ну, расшифроўку или чё там сделать-то как, чтобы куда кого записывать. Ну, хотя они все были на учёте, все стояли на военном, но не успевали. Они отправили, кого там успели взять, а кого не успели, сказали, что поезжайте домой. Кормить-то людей нечем было, по-видимому, так. Уде же они кухни такие приутовят? Ну, и вернулись, а Тулупов пришел, Ванька-то остался, Ванька Тулупов, и Горлов Василий, они бригадирами были, ну, и их пока отправили тоже. Хлеб, хлеба спеють, тоже колхоз нельзя ещё пока бросать-то, всех-то сразу не заберут. Ну, они приехали, он заходить ко мне, будить, ещё темно было, и сказал: «Люська! Иди у Харченко Петьки трактор заводи и езжай туда, на поля, там цепляй». И пошёл работать. Ну, я, правда, подчиняюсь и γ(ово)рю: «Страна на военном положении, все вы трактористы, вас учили». Ну, и пошла, завела, еду, а эти опять уже шесть часов, а они должны в Тамбоўку явиться и стоять на машине. Ты знаешь, эта молодёжь, ребята да всё. Ну, я остановилась, правда, все, кто вместе, всю жисть работали, всю жисть прожили, каждый друг друуу там кто чё скажет. Да там, знаешь, Коля Зайцев был, ну и, правда, жынили мы его в тайге там. Ольуу привезли за еуо замуж, замуж взяли. А он был у нас секретарь комсомольской организации, такой тюк да матюк. Да Пантелей с братом, ну знаешь, он умный, а какой-то не развiтый такой, чтобы там красноречиво γоворил, он не моу γоворить. Он выносить эти, выходить из конторы, и γ(ово)рить: «Люська, на вот, мне сказали, чтобы я тебе комсомольские дела передать тебе. Да смотри, – γ(ово)рит, – чтобы никому они в руки не попали». Тогда же было, знаешь, вроде страшно, что если японцы, дак расстреляют всех, и семьи порасстреляют. «Смотри, – γ(ово)рит, – прибери, ты знаешь об этом, ну и всё». Вот меня удивляет, что человек уезжал и чтобы ему о ком-то беспокоиться, оказывается у него было такое, что, ну как сочувствие, что ли: «Я уезжаю, и тут должен быть порядок». Ну и всё, вот так уехали они, мы начали работать, вечером поздно уже приходили с работы. Ну а тут, знаешь чё, сразу со всеуо района приехала молодёжь на эти, на оборонительные. Вот, в лесу сколько окопов наакопали. И как, откуда, чё? Военные, ну никоуда военных у нас не было, тут вдруг военные. Вот тебе, распределили, я не была там, на работе, у нас поля, механизаторам на полях надо работать. Не бросали, это, работать. Теперь, это, на оборонительных двести человек было, ну, работали мноуо. Они тама, я-то их всех не знаю теперь, вот чё.

Теперь это, как её, вечером приходили с полей, а Митечка был здесь начальником почты. Он, знаешь чё, оруанализовал сразу винтовку и пулемет, ну, учебный, и всю молодёжь собрал, кто остался, знакомил, знакомил с етим, как его. Мы вечером, там лампа, лампадка такая без стекла, без всеуо, ходили всё, обучались, знакомились с винтовкой. Ну, он как γоворил, что японцы отсюдова будут. Наша – оборонительная, если в случае чего, вы все должны в оборонительной, об винтовках не беспокойтесь, вам дадут, стрелять вы уже умеете все, вот видишь как. Не, ну, γотовили, γотовили, действительно. Если бы не было такой дружбы тоуда, никоуда б не победили, дружно было всё. Женщины бедные, γосподи, они понятия не имели, ни дня, ни ночи, литоўки в руки, косили сено, складывали ребятишки все вот эти вот маленькие, каких там по десять лет-то, все шли на сенокос. Надо же колхозные соблюдать. И пшеницу косили, что на семена её косили (в)ручную. Меня сразу на комбайн отправили, я на штурвале работала, Уруню тоже на комбайн, и Утуя на комбайн, вот так. Ну, Утую тут как-то забрали через военкомат, на пароход туда забрали, вот я уже как-то не помню, но она уехала, знаю, что уехала туда на пароход, на пароходе она работала, в военкомат её забрали. А мы с Уруней так и работали, я комбайнером была, Уруня, ей надо было, потому что трактористы нужны были, ето, картошку копать, тракторист. Тут опять же нам дали этих ребятишек, мы их обучили, чтобы заводили они трактора все. Тут какую-то неделю он поездил со мной, Лёшка Поляков, я ему трактор этот передала, сразу на комбайн, комбайн начала γотовить к уборочной, и так вот мы и работали. Зиму на ремонте, лето на полях. Не видали мы ничего, ну, всё равно, знаешь, и в клуб ходили, и так же самоде(я)тельность делали, не бросали ничего, ну, в общем, а женщины всё работали и рэбятишки работали. Не было такого, чтоб кто-то там не работал, а был закон такой.

Ну и это, дальше чё я тут хотела сказать? Самоде(я)тельность была тоже. Ну, работали, работали, в общем, даже приходилось так, уде-то шпионы переходили сюда. Приходилось

так нам: вызываеть, приедеть с особого (от)дела , вызовить ночью или утром, так и так. Всех вызываю в это, в кортору (контору) при потёмках, нотацию дали, никуда ни слова, подписывайся, расстрел. Тоуда был особый отдел, так расстрел был. Идешь по деревне, где тут в Тамбовском районе шпионы, женщины и мужчины, примерно так. Мы должны найти в эту ночь, у нас облава, не вздумайте никому сказать, Боже, упаси. Идем мы, как будто ууляем тут. Вот иду я и со мной три, четыре человека военных, все с винтоўки, вооружённые, захожу я в дом, кого-то не пустят, правда, но я, меня-то вы знаете все, подхожу:

– Кто?

– Это я, откройте!

– А чё ты хочешь?

– А мы, это, зашли.

Вот так, если знакомый, человек знаком там, если кто-то незнакомый, отправляешь его в комендатуру туда. А утром, ночь проканителиться, утром чтоб ты на работе был в шесть часов, вот так-то. Тоуда был закон военный, крепкий, очень крепкий. Работали вот так-то вот, всю войну проработали. И про войну. Война кончилась, опять же послевоенные годы. Начали опять поднять сельское хозяйство, опять начинаем, хозяйство-то уменьшено. Уже если тут четыре тракториста остались, да обидно-то что, они бедные, эти мужики, у них ни одеть, ни обуть нечего. Идуть было, и катанки-то починить нечем было, соломы настелют и идуть в этой, в соломе. Привяжут её веревочками. Вот так вот работали. А в конце концов, привезли медали так, а медали всем-то и не дали. После я писала, знаешь, коуда в Москву, думаю, в чем же дело, а оказывается, ответили мне оттуда, с Москвы, так что пийсят семь миллионов было представлено к награде, а получило только семнадцать миллионов, остальные-то не получили. У меня дед, он и награжден, и красный орден у него, и медали за отвагу, и всё это было, у него мноуо наград. Ему тоже за победу над Германией не дали медали, потому что не хватило. Он пришёл раненый в сорок пятом году, он пришёл в этом, в феврале месяце, в марте он приехал домой, он три или четыре месяца в госпитале там был. Ну, и приехал, а сразу же пошёл на трактор работать, и с одной рукой, ну, рука была ранена крепко, ему трудно было. Ну, всё равно, он нагляделся, как там воюють. Пришёл, тут нет никого, работать некому, он же не будет сидеть, ходить приулядываться. Он работать пошёл. Пришли Уорловы ребята, Иван и Петро, тоже вот в ногу ранены, второй где-то там в кисти раненый. Тоже пошли на комбайны, хоть и один-то вроде механизатор, а второй и механизатором не был, а всё равно, пошёл работать. Приходили с фронта тоже, сразу на работу бросались, вот такие дела.

Ой, господи, как жили! В войну часто играли, всеуда, как увидали кино «Чапаев», так всё, и все чапаевцы были. Это правда, нисколько не вру, а больше. Ну, правда, мы видишь чё, у нас в школе всё-таки организация была лучше, тоуда, знаете чё, вот на урок, на уроках сидим так, четыре класса, четыре урока пока просидишь, потом выйдешь на перемену. У нас пионервожатая была, Ира её звали, я не помню как фамилия её даже, и, может быть, даже и не знала. Она, знаешь, чё, как только перемена, у нас тут и иуры, и танцы, и песни, помню «Выпрягайте, хлопцы, кони», учили эту песню, все пели, и, ты знаешь, в клуб вот придуть коуда, в кино, пока до кина, а этот был учителем, как его, Уеоргий Уриуорич, ну, молодой, молодой парень был, он был. Так он всеуда это: «Давайте петь». Или пели, знаешь чё: «Смело, мы в бой пойдем за власть Советов», вот эту пели, потом «Каховку» пели, ну вот это, как его, «Обветрен походною гарью, врагов прорывает кольцо, делил он, как верный товарищ, и радости...», про Ворошилова пели, вот эти вот песни пели.

## 2. Молокане

### «А молоканы – русские люди»

А молоканы – русские люди. Обычай какой у них: раньше они свиней не держали, урех, как тебе сказать, урех был, и лошадь они не резали никогда, не ели. Лошадь считали, она рабочая лошадь, работает на человека, урех непростительный, если её зарезать и исть, вот так. А потом, знаешь, это, как сказать, а свинью почему-то они уребовали, свинью, урех был ка-

кой-то, а какой үрех, я не знаю, свинью. Дескать, она на небо не смотрит, Боуа не видит, как я поняла. А потом тоже уже тут вот, при колхозах, и свиней держали и ели все, а раньше те молокане не ели. Вот у меня, например, бабушка вот эта, молоканка, она не ела ни свинину, ни, знаешь, если там пирожки испекут, да там, бывает, сало попадет, Боже упаси, не станет исть.

У них был моленный дом, да был тут этот, как у них, ну, преподавал он им, дом моленный, а потом вот здесь был, а потом клуб сделали, вот так вот. А молились Боуу, ходили молились, ну, в общем, у них было не материться, не ругаться, жить дружно, чтоб друх друуу помогать, если бедный что-то спотыкнулся, помочь ему надо, чтоб всем, всем это, вот так вот, чтобы обману никакого не было, вот у них в этой церкви так было, Боуа почитали чтобы.

И детей у нас не крестили, у молокан не крестили, не крестили. Они не понимали этот крест, крест этот налаживают. Что за крест? У православных это крест. А что он даёт, этот крест? Никто не знает, вот так вот.

Они отмечали и Пасху, и Рож(д)ество, и этот, как еуо, и Успение, и, ой, ну, все вот эти праздника, все отмечали, а потом после, в колхозе, знаешь чё, и правительственные отмечали, но старинные не забывали. Так и Пасху там вот эту, Троицу, Рож(д)ество, Вознесение, это у них большие праздника были.

Ой, уготовили! Всегда стряпали печенье, пасху стряпали, яйца красили, это как обычай, это ж по-видимому везде так уготовили, хорошо, они просто уготовились. В уости к друх друуу ездили там, ну хорошо, ну только вот это вот, у православных там несут пасху, как тебе сказать это, покрестить что ли, осветить, а у них этого не было, не таскали. А зачем светить? Они пойдут помолются. Ну, уощали на Пасху, если там кто-то ходили побирались, допустим, всеуда давали, выносили, всё давали, это было. Законно не работали, даже посевная, посевной день если, ну, разгар посевной, всё равно один день да не работали, а, если уже три дня, обязательно ууляли, а то и неделю целую, когда видят, что работы такой нет, вот они неделю целую отдыхают, вот так.

### 3. Свадьба

#### «У православных невеста готовит приданное, а тут только жених»

О, свадьбы! Свадьбы венчали, венчали, ауа. Они называли поезд, ну, поезд как, ну, когда свадебный поезд. Это ж вроде, ну, идёть свадьба. Во-первых, они как свататься приходили, так, когда сватаются, приходят, это, молодые, потом вечерышник там делают, потом они делают, запой делают, а на свадьбах водки не было, не было, это почему-то запрещено было, а почему не знаю. Ну, они водку вроде бы не пили, как бы без водки. От неё, что ли там, беснуются, не надо. Ну, так сватали. Теперь, знаешь, чё, придуть, жениху выговаривают, жених должен купить там невесте пальто или там чё, вот это выговаривают всё, что жених покупает, уж невеста нич(ег)о не покупала. Вот у этих там, у православных, там, наоборот, невеста уготовит приданное, а тут токо жених, правда, так вот было, там кольца также. Ну, кто этот, венчал, проповедник, по-моему, звали его, молоканский проповедник, поп вроде, но не поп он, а...

– Священник?

– Не, священников тоже не было, проповедник он, пастырь, сейчас пастыри, вот, а тоуда проповедник был, но он проповедовал, божественное всё начитывал, ну, делал им всё это, по чести всё. Ну, подсказывал, как жить там, ну, с ним свадьба. Невеста одетая была, венчальное платье, веноч там, всё на ней было хорошо, но только вот этоуо не было, как уворить, простыни\* там, а этого не было у нас, такого не было. Это считали, что вроде позор, зачем делать это, вот так, если семья, пусть будет семья, поженились и живите.

– А вот вы ещё сказали вечерышник?

– А вечерышник, они, знаешь, чё, жених покупал, у(ово)рит, конфеты там, приходил. Девчонки там, ребята, ну, в общем, приходили к невесте и там, как вроде ужин был. Ну,

---

\* Имеется в виду обряд «коморы» – демонстрации фактов невинности невесты до замужества.



опять водки не было, а всё семечки там, вот орехи это щелкали там, пели. А пели песни, пели и, куда эту, невесту отдавали, пели, так красиво пели. Я свадебных песен не знаю. Ну, они там всякие, у нас уже не было этого, как это при нас, а это до меня ещё. Ну, так я девчонкой была, знаю это. Ну, а на свадьбу приезжает жених за невестой, ну, тут уже, знаешь, чё, и поют, и пляшут, и всё на свете. Так красиво, так красиво провожают, за столы садятся, провожают невесту, вы(й)дут и гармошки, и песни, и пляски, и всё на свете. Невеста садится на американку на конях, тогда ж машин не было, на американку там садятся, едут, зимой на кошеве едут, а эти все идут пешком. И, знаешь, фата у невесте такая, жених тоже – белая рубашка обязательно, цветок у нею, у невесты тоже. Разнаряжены, и ленты там висят, и всё красиво было, красиво, и платье тоже подвенечное, обычно белое там, было вот так всё.

А американка, а это, да с Америки, видно, привезённая, такой на двух колесáх, как телеуа вот. Телеуу-то знаете? Ну, эта только на двух колесáх. Сидят они, вот так вот сидят, ноуи у них так и всё, двое, трое, а то, может быть, жених с невестой и подружка с этим дружкой присаживаются. Там широкая, хватает, ну, вот так вот и едут они. Также подрууа была, так и дружок был. Все вот это называется «американка». Лошадь, то тройку запряуали, три коня на этот, тарантас такой, на тарантасе и едут они. Вот тоже уряжены были лошади-то, все в лентах там, в общем, наряд был такой. Так вот все свадьбы делали. Зимой кошева. Кошева – это как сани, но только кошева. На сани урузят что-то, возят, а кошева – это специально, как леуковая машина. То(ль)ко людей, да, да, как перевозка людей. Они запряуут в кошеву, если два этих, три коня запрягут. Это уже, знаешь, колокольчики вешали, свадьба едет. Ну, что там, разнаряжены, видно всё это. А на невесте, это обязательно, хоть и зимой эта кошева, ну, там тулуп или доху, что накинут, но всё равно, невеста едет, невеста. Она наряжена, и жених наряжен.

#### 4. Гадания

##### «Сужен-ряжен, приводи коня поить»

Знаешь, ещё я расскажу. Пряма там вот жили по соседству. Этот парень был рыжий, да конопатый, да страшный, чёрт такой. Она девка была хорошая. И они на бууру жили. Она, это, только дяди Васильева вот. Он-то и это, он там внизу жил, по этой улице. Она, это, кинула через забор свой обувку, да «каля-маля, где моя доля?», а он стоит, бес рыжий. И, знаешь, на нею катанок прилетел. И пришлось за нею выйти замуж. Ой, как она рууалась, как она не хотела. Потом прошло лет пять, и пришлось выйти замуж за нею.

Ну, чё, можно нарисовать колодец, под подушку положить. Как обычно рисовали колодец? Ну, как еуо, ну, верх колодец, а тут журавец стоять, вот так вот. На этой палке тут уруз, цепь висить, а тут ведёрко будет, вот так, нарисовал. И, знаешь, как, уговорить: «Сужен-ряжен, приводи коня поить, сужен-ряжен, приведи коня поить, сужен-ряжен, приведи коня поить». Под подушку клади и ложись спать, и обязательно придёт за водой человек, за кого замуж выйдешь.

#### КОММЕНТАРИЙ

##### Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /h/ не обнаружено. На месте /h/ под ударением произносится гласный [e]: *j'és'л'и, jés't', пал'és, б'ес, н'ет, л'ет*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *кто, м'бжэт*.

2. В соответствии с **п** во всех случаях отмечается произношение [a], как в литературном языке: *вз'ал, з'ат', п'р'ин'ят'*.

3. На месте этимологического *e* после мягкого согласного под ударением в большинстве случаев произносится [o]: *н'ис'от, зэп'лит'оны, займ'от*.

4. Фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге не различаются, на их месте обычно произносится гласный [а] – независимо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением. В других безударных слогах отмечено произношение [ə] на месте /а/ и /о/ после твердых: *хэрашó, мэладóй, с'óлə, мóлэдэс't'*.

5. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *н'исл'й, м'ит'ут, в'ид'от*. Отмечен единичный случай яканья: *рэб'ат'йшк'и*.

6. После отвердевших шипящих в первом предударном слоге наблюдается произношение звука [ы]: *шыстóвə, жын'йх, жына́*.

7. Заднеязычная звонкая фонема представлена щелевым [ɣ], который в слабой позиции реализуется как [х]: *ауа, үəвар'им, кауда, мох*. В окончаниях родительного падежа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *н'иво, мајуво*. В ряде случаев отмечено непоследовательное произношение заднеязычного звонкого взрывного, причем иногда в тех же словах, где произносится звук [ɣ]: *кагда́, гд'этə*.

В некоторых случаях заднеязычная глухая фонема представлена щелевым [ɣ] в слабой позиции: *трəхтар'ист, трəхтарá*.

8. Единичны случаи произношения [к] на месте [х] перед гласными: *наскə* (Пасха).

9. Фонема /в/ в позиции перед гласными реализуется преимущественно в губно-зубном варианте [в]: *водá, вед'у, вёдры*. В позиции после ударного [о] и перед согласным [к] /в/ в ряде случаев произносится как й-неслоговой ([й]): *светомаскирóйка, расшифорóйка, Тамбóйка, винтóйка, литóйка*.

10. Отмечен случай употребления звука [х] на месте [ф]: *кóрховская* (корфовская).

11. Фонема /ч/ системно реализуется в мягкой шипящей аффрикате [ч]: *чем, чистенько, чему-нибудь*.

12. Долгая глухая шипящая фонема реализуется как [ш']. В соответствии с [ш'] литературного языка системно произносится [ш']: *йши'ó, йши'й, ш'ас't'йə*.

13. Системно отмечается протеза согласного [j] в формах местоимений: *jétə, jét'и, с-jét'их*.

14. На месте мягкого [р'] может произноситься твердый вибрант [р]: *рэб'ат'йшк'и, рэка́*.

15. Зафиксированы редкие случаи непозиционного смягчения [р]: *в'ер'х, в'ид'óр'ный*.

16. Отмечены случаи произношения двойного мягкого согласного на месте сочетания «согласный + j»: *св'йння, плáття*.

17. Зафиксирована эпентеза согласного в интервокальной позиции: *ра́дивə*.

18. В ряде случаев у личных местоимений не происходит протетирования [н] после проклитик на согласный в позиции перед гласным: *с^(н)им, с^(н)им'á*.

19. Системно отмечается диэреза на стыке согласных: *тр'и(д)цэт', та(г)да, ско(л')кə, з(н)ач(ит), (г)д'етə, шыйс'ат (шестьдесят)*.

20. Отмечены случаи регрессивной межслоговой диссимиляции: *секлетáрь* (секретарь) и прогрессивной межслоговой ассимиляции по месту образования: *шешна́дцать*.

21. Слова *значит, жизнь, есть* (принимать пищу) обычно произносятся как *значить, жисть, исть*.

22. В соответствии с [ц] всегда произносится [ц]: *цветок, цыганить*.

23. Фонемы /л/ и /л'/ реализуются во всех позициях звуками [л] и [л'].

24. Слово *что* произносится обычно как *чо*, реже – *шо* или *што*.

25. Частица *так* обычно произносится как *дак*.

26. Отмечено системное употребление наречий *покаместь, покаместь, тама, отсюдава*.

27. Слово *родичи* произносится с твердым [д]: *рóдычи*.

#### Ударение

28. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы литературного языка: *случáй, нача́ли, былó, сдобá* и др.

#### Словообразование

29. Отмечается широкое образование деминутивной лексики: *спокойненько, ровненько, ребятишки, девчоночка, дорогушенька*.

## Морфология

30. Зафиксированы случаи окончания –е в форме Р.п. Е.ч. существительных жен. скл.: *осталось у маме, были у невесте.*

31. Отмечено употребление форм Мн.ч. существительных *Singularia tantum*: *заводили сдобы, ставили квасы.*

32. В редких случаях фиксируется употребление форм Ед.ч. существительных вместо форм Мн.ч.: *прошел курс трактористов.*

33. Отмечено употребление форм Им.п. существительных в значении Р.п.: *память не было; форм В.п. в значении Тв.п.: играть яйцы.*

34. Встречаются случаи слонения неизменяемых существительных: *носили польта, смотреть кина, дойти до кина, не было радива.*

35. Зафиксированы случаи несогласования по роду: *он ее забирает, яичко; богатый улица.*

36. Существительное *сын* в форме Мн.ч. Им.п. употребляется в форме *сыны*, в форме Р.п. Мн.ч. – *сынов.*

37. Существительные муж. скл. могут иметь в Им.п. Мн.ч. окончание –ы: *стёклы, яйцы, вёдры, одеялы.*

38. Существительные жен. скл. на мягкий согласный могут иметь в Им.п. Мн.ч. окончания –а/–я: *матеря, свекровя.*

39. У прилагательных Ед.ч. муж. и жен.р. встречаются окончания –ья, –ый: *печь русская, кто там молодой еще, а в В.п. – -ью: кашу пшеничную.*

40. В прилагательных И.п. Мн.ч. встречаются окончания –ья: *вёдры деревянные, железные, сестры сводные, занавески новые.*

41. Зафиксировано употребление окончания –им (-ым) у числительных П.п. Ед.ч.: *в одном сапоге проработали, в шестым году.*

42. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и местоимений наряду с нестяженными: *бедны, богаты, больша, хороша деревня, советска власть, сводны сестры, которы, котора; большая семья, бедная родня, сводная сестра.*

43. Фиксируется окончание –им у местоимения *это* в форме П.п.: *в этом селе проработали, в этом году случилось.*

44. Отмечено употребление форм местоимения *ихняя* и наречия *по-ихнему.*

45. Глаголы в форме 3 лица Ед. и Мн.ч. обычно оканчиваются на [т’]: *береть, заниматься, тратить, подвигают, думают, делают*, хотя отмечается и твердое произношение конечного согласного: *ложут, накрасют, крошут, разделют.*

46. Отмечается общее спряжение глаголов: *ложут, накрасют, крошут, разделют.* Однако в ряде случаев флексии глаголов в парадигме спряжения различаются: *смотрят, видят, косят.*

47. Отмечено употребление постфикса –ся после гласных в возвратных глаголах: *родилися, остались, женилися.* Употребляется и постфикс: –сь: *случилось, училась.*

48. Форма *разувишись* употребляется как *разумши*: *все лето ходили разумши.*

## Синтаксис

49. Отмечается высокая частотность употребления частиц *ага, ну, это, так, вот, да*, обычно заполняющих паузы.

50. Зафиксировано осложнение простого глагольного сказуемого: *шил сидел, или смотрели, стоит смотрит.*

51. Частотно употребление инфинитива с целевым значением: *качают спать, шли в игры играть, ходили побирались.*

52. Отмечено постпозитивное расположение определения: *стояла деревня красивая, росла трава зеленая, сестры сводные росли, купила занавески новые.*

53. Постпозитивное употребление глагола-связки в составном именном сказуемом: *парень красивый был, она невесткой была.*

54. Наблюдается нарушение грамматической сочетаемости: *чтобы было продуктов куплять*.

55. Отмечаются реликты сложных форм прошедшего времени: *был жил*.

56. Зафиксировано употребление глагола *быть* в плюсквамперфектном значении: *было́, как вечер*.

57. Зафиксировано широкое использование чужой речи в авторском тексте: *а китаец ему γ(ово)рит: «Ты, Степан, не ходи, тебе сейчас там злой начальник приехал, они убивают русских всех»; Я γ(ово)рю: «Дедушка! Что такое? Все трактора стоят в ряд, я не пойму, в чем дело, никого нет?». А он γ(ово)рит, плачет: «Война, война!». У него четыре сына. «Поеду, подожди-то, я сейчас с тобой поеду в деревню, да провожу хоть сыночков-то своих». Я подъезжаю туда, γ(ово)рю: «Вы будете обедать, я привезла обед. Куда мне деть его? Ну и это, – γ(ово)рю – бабы, будете обедать». Я обед сварила, как сейчас помню, борщ, вареники на второе сделала со сметаной и чай привезла. «Ну и это, – γ(ово)рю – война, а мужики?», а дед плачет: «Война, война, мобилизация!».*

58. В речи частотно использование вопросительно-риторических предложений: *А чем мама моя будет платить, куда в одном сапоге дояркой работала? А забирали ведь кошу? Какой он кулак? Какой он дурак? Какой он вредитель? Что он может им навредить, куда человек неуротный? Ну, что ты, что может сделать человек-то?*

59. Частотными являются случаи употребления ситуативно неполных предложений: – *Кто? – Это я, откройте! – А чё ты хочешь? – А мы, это, зашли.*

### Лексика и фразеология

60. Отмечается большое количество диалектной лексики и фразеологизмов в речи информантов:

**Америкáнка** – двухколесная повозка

**Блинцы́** – блины, испеченные на пресном тесте

**Брédни** – высокие самодельные сапоги из сыромятной кожи, надеваемые во время рыбной ловли

**Варенéц** – кисломолочный продукт, изготавливаемый в домашних условиях

**Верхнй́ца** – верхняя часть русской печи

**Вечеры́шник** – вечернее собрание молодежи накануне свадьбы

**Вка́лывать по-чёрному** – работать много, изо всех сил, без отдыха

**Гармо́ния** – музыкальный инструмент гармонь

**Голла́ндка** – разновидность печи

**Грёбовать** – брезговать

**Гру́бка** – верхняя часть русской печи, предназначенная для спанья людей, полати

**Гу́ска** – самка гуся, гусыня

**Журавéц** – часть колодца, рычаг для подъема воды

**Загнётка** – часть русской печи между заслонкой и подом

**Задéлка** – специально отведенное место возле русской печи, предназначенное для хранения кухонного инвентаря

**Зака́зывать за неvéсту** – договариваться с родителями невесты о дне сватовства

**Запо́й** – договор между родителями жениха и невесты о назначении дня сватовства

**Знать Бо́га** – верить в Бога

**Зы́бка** – колыбель

**Йчиги** – кожаные высокие сапоги на мягкой подошве домашнего производства

**Ка́танки** – зимняя обувь, валенки

**Като́к** – приспособление в виде скалки для вынимания чугунов из русской печи

**Комсомо́л** – комсомолец

**Корóвье ма́сло** – сливочное масло

**Кошева́** – утепленные сани, предназначенные для перевозки людей

**Листвя́ный** – относящийся к лиственнице, лиственничный

**Лито́вка** – приспособление для скашивания травы, коса

**Мёлкий** – маленький (о человеке)  
**Мёнший** – младший  
**Молénная** – наименование молебного дома у молокан  
**Молокáны** – молокане  
**Общáтина** – общее наименование домашнего скота  
**Пацáнка** – девочка-подросток  
**Первохóдцы** – первопроходцы  
**Погáный** – грязный  
**Поцýгать** – выпросить, выцыганить  
**Правослáвы** – православные  
**Пропочénный** – покрытый потом, потный  
**Пшй́вка** – женская прическа в виде узла, уложенного на затылке; шишка  
**Рогáч** – приспособление для вынимания чугунов из русской печи  
**Самолóвка** – самодельная удочка для ловли рыбы  
**Свáдьбенный** – свадебный  
**Скóтский** – говяжий  
**Спотыкнúться** – споткнуться  
**Стёжка** – вышивка на женской одежде  
**Тёмный** – непросвещенный  
**Тюк да матю́г** – неодобрительно о грубом человеке  
**Фунфу́зы** – китайские разбойники; хунхузы  
**Чувячкí** – домашняя обувь, самодельные тапочки  
**Шáнешки** – вид сдобной выпечки  
**Шóркалка** – металлическая щетка для чистки деревянного пола